

18+

Никита Каховка

**АЛЬТЕРНАТИВА
АУДИТЕГ ПАІІДА**

Роман

Никита Каховка

Альтернатива

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48781132

ISBN 9785005086433

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга – размышление. Книга, изменяющая действительность... нашу повседневную жизнь. Совсем не важно, кто здесь герой, кто негодяй. Ведь в этом мире все поровну белое и черное... переплетено. Это попытка найти золотую середину между светом и тьмой, добиться равновесия на канате, натянутом над пропастью... найти свою альтернативу... свой ответ. Все мы, хотим того или не хотим, участвуем в общем событии, но каждый по-разному. Альтернатива – всего лишь выбор пути в движении... к... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

НИКИТА КАХОВКА	5
Глава 1	6
Если это не сон...	6
Глава 2	17
Бег	17
Глава 3	25
Хандра	25
Глава 4	40
Одиночка	40
Глава 5	50
Альтернатива	50
Глава 6	59
Игрушка	59
Глава 7	69
Красотка	69
Глава 8	84
Система	84
Глава 9	97
Иллюзия	97
Глава 10	111
Подруга Кристи	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Альтернатива

Никита Каховка

© Никита Каховка, 2019

ISBN 978-5-0050-8643-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события и персонажи в книге вымышленные, и любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, абсолютно случайны.

НИКИТА КАХОВКА АЛЬТЕРНАТИВА

Роман.

«— кто иначе видит, больше чувствует и потому
больше страдает»

Антоний Кемпинский

Глава 1

Если это не сон...

Было очень тихо.

Тишина буквально «давила» своим присутствием, оглушала, и от этого становилось беспокойно. Словно все вымерло. Во всяком случае, на этом крохотном участке земного шара, в градусах долготы и широты которого вся власть теперь досталась самому жаркому сезону года.

Сочный, яркий зеленый цвет молодых листьев, освещенных июньским утренним солнцем, казалось бы, должен радовать глаз и наполнять душу неистовым восторгом, но почему же тогда все происходит с точностью до наоборот?

Листья не колышутся, ни одна птица не проронит ни звука, в тени деревьев достаточно прохладно, но из-под фуражки младшего лейтенанта стекает струйками пот.

Все вокруг затаилось в ожидании чего-то страшного и неизбежного. Того, что не всегда воспринимается разумом, но кажется, будто иного выхода нет. Так было всегда. Будто это естественное решение вопроса. Кровь за кровь. Особенно во время войны, на полях сражения. Где или ты, или тебя. Так было всегда. Во все времена. В каждом веке. Страшно.

Очень страшно, если быть честным. Словно именно страх намертво сковал этот кусочек пространства на огромной планете, и поэтому так давит тишина. И поэтому подрагивают коленки и гимнастерка прилипла к спине.

Совсем еще молоденький лейтенант, такой же яркий, «сочный» и «зеленый», как листья на ветках, распустившиеся совсем недавно и теперь набиравшие размер, наблюдал в бинокль, находясь в укрытии из высокой травы, за происходящим в селе. Периодически он поглядывал на часы.

Это была первая операция, план которой он разработал лично, так как остался единственным офицером этого партизанского отряда. И, естественно, вся ответственность теперь ложилась на него. Независимо от результата, так как исход будет один – погибнут люди. И погибнут в любом случае. Это и не давало покоя в первую очередь. Поэтому нечего и скрывать – страшно. Это нужно лишь пережить. Один раз. И после будет легче. Привычнее.

А по-другому никак, на войне как на войне – или ты, или тебя.

На войне. На этой войне.

Как такое могло случиться? Один невзрачный неудачник сумел возбудить фашизм в сердцах миллионов людей! ...хотя в сердцах ли? Миллионы человекоподобных существ получили официальное разрешение на пытки, насилие. На убийство себе подобных!

Без какой-либо жалости к детям и старикам, к женщинам,

в чьем теле уже постукивало сердечко новой жизни, ко всем, кто не поддерживал такое страшное чувство, как ненависть. Кто не приветствовал распространение этой заразы – зла.

Как? Как такое могло произойти? По воле одного неудачника или миллионов приверженцев, таких же жалких существ?

И теперь по миру разливается горе, страдание и боль, в которых тонут человеческие души. И, конечно же, ненависть, которая выплескивалась из нацистских захватчиков. Ненависть, теперь же обращенная к фашистам.

В селе, за которым сейчас наблюдали несколько пар глаз, каратели расстреляли уже тысячи мирных жителей и военнопленных. Тысячи! Невзирая на преимущественно женский пол. Невзирая на младенческий возраст и немощных стариков. словно трусливая душонка убийцы, каждого убийцы, боялась, что младенцы и старики возьмут в руки оружие и окажут сопротивление.

Каждый день сотни людей устилали собой овраг невиданных размеров. Каждый день чужеродные солдаты... солдаты? Эти существа не могут иметь никакого иного определения, кроме как фашист. Ни звания, ни подразделения. Сборище отбросов. Ведь человек, пусть даже он – противник, такого не совершит... стреляли селянам в затылок. А после ходили по трупам и добивали выстрелами еще живых.

«Господи! Почему ты не видишь?»

Ноги этих существ были в крови; одежда, руки, лица, но,

казалось, это только забавляло чужих. Они что-то выкрикивали на своем языке, смеялись, порой заходились в истерику и продолжали убивать. Убивать! Убивать!!! И если бы тела могли тут же разлагаться, возможно, они бы устроили заплыв в этой кроваво-трупной жиже.

Казалось, они не знают усталости, и все же под вечер ставили на свое место местечковых полицейских. И от этого картина выглядела безумной. Невыносимо безумной, ибо разум отказывался это понять. Как? Как такое возможно?

Ведь только вчера кто-то из этих самых полицейских был твоим соседом, улыбался при встрече, здоровался, пожимая руку, ужинал за твоим столом, называл братом или сестрой. Все было по-людски. Вчера. А сегодня? Сползла овечья шкура? Все также, с улыбкой, в которой просвечивается невероятно жалкая трусость, глупое выражение на лице, но совершенно не выражение мужества, не то от лживого «верховенства», так как дали в руки смертельное оружие, убивающее за секунды, причем на расстоянии, не то от страха за свое предательство перед братьями, перед Родиной. Так что же произошло сегодня?

Собственно, ничего особенного. Обнажилась сущность. Нет, не человеческая. Существа.

Этих существ нельзя назвать людьми. Но и зверями называть нельзя – звери здесь ни при чем. Нужно отвечать за свои поступки, а не перекладывать постоянно ответственность на кого-то. Даже если этот поступок ляжет черным по-

зором на человечество. Звери знают, на что они способны, а люди должны знать, на что способны нелюди. Нелюди! Вот правильное слово – «И создал человек нелюдя, по подобию и образу своему».

Фашистов было гораздо больше, чем партизан. Поэтому сработать нужно очень слажено и четко. Конечно, жители села присоединятся, когда увидят защитников. Им даже оружие не нужно. Они готовы голыми руками рвать чужеродных, принесших в их жизнь столько боли и страдания...

Внезапность послужит козырем в этом деле. И в теории все получится, вот только по-прежнему страшно. По-прежнему дрожат колени и стекает струйками пот. От этого нет таблетки. Есть лишь чувство – ненависть к захватчикам, их безумству и извращениям, которым нет предела, и это чувство по-настоящему заглушает страх.

Ненависть... А ты все-таки сильное чувство.

Молодой офицер снова глянул на часы. Положение стрелок показывало: начало операции. Командир вынул из кобуры пистолет и поднял над головой, приподнялся на вновь задрожавших ногах и, осмотревшись по сторонам, махнул рукой вперед.

«Пленных не брать. Пленных не брать», – вылетали негромко слова из уст лейтенанта. В зажатой руке он держал пистолет, из которого убивал выбегавших из домов фа-

шистов. Их застали врасплох, и пули, разрывавшие им тела и отнимавшие жизни, не позволяли опомниться. Теперь полураздетые существа выглядели перепуганными и жалкими. Теперь их трусливая сущность обнажилась настолько, что даже они сами смогли это увидеть. Жалкое зрелище. Жалкое. – «Пленных не брать!»

Кто отдал этот приказ и почему, никто особо не интересовался, так как никто и не жалел этих преступников. Хоть бы кто стал на защиту этих несчастных, так нет. Последний, кто, возможно, помолился бы за них, несколько дней как был повешен.

Никто не имел жалости хотя бы грамм. Все до единого, солдаты партизанского отряда желали врагу только одного – смерти. Чтобы их безымянные тела гнили в яме ото дня сегодняшнего, чтобы память о них стиралась навсегда с каждой последующей минутой.

Все жаждали крови. И солдаты, и мирные жители. И это, уж точно, самое гуманное, что они могут сделать для чужеродных безумцев.

Много трупов уже валялось в домах и еще больше на улицах села. Много нелюдей металось от порога некогда гостеприимного сельского дома к «порогу смерти», распластавшись в дорожной пыли. И бой еще не закончился. Кто успел из захватчиков взять оружие, теперь отстреливался, но победа над врагом была очевидной.

Командир, а за ним несколько солдат, пробирались

к крыльцу здания, когда из него выскочил фашист. Прозвучало несколько выстрелов, и он, мертвый, скатился наземь. Следующий за ним показался в дверном проеме, поднял руки вверх, упал на колени и так ползая и мотая головой, залепетал что-то на своем языке, но его перебил всего один выстрел. Никто из партизан не понимал этого языка, но догадаться было не сложно – он просил о пощаде. Молодой офицер быстро вошел в дом и наткнулся на...

...он тоже носил знаки различия и также был очень молод. Он не держал в руках какого-либо оружия, не метался из угла в угол, а просто смотрел, можно сказать, в глаза неминуемой смерти. Странно, но на его лице не выразалось и тени фашизма. Напротив, казалось, он отчетливо осознавал весь ужас, принесенный в это село его соратниками и сожалел... прозвучало три выстрела из пистолета, но пули просто встряли в китель в области живота. На мгновение лейтенант удивился, а уже в следующую секунду поднял руку и, не дрогнув, выстрелил врагу в лоб, но пуля вмялась в кожу, после чего отпала. Тогда офицер выхватил гранату, сорвал чеку и бросил ее в противника, а сам завернул за стену...

...все его действия были четкими и точными, словно это не первый «жаркий» день за время службы, словно все это – совсем другое кино! Все происходило на автоматизме, и граната являлась третьей попыткой убить неприятеля в течение минуты. Третьей! Но именно тогда, во время броска этой самой гранаты, будто в покадровом исполнении, точнее, в про-

межутке между перескакиванием двух кадров, прояснилась суть этой сцены.

Что это? Неужели случайное совпадение? Этот чужеродный, словно в насмешку, выглядел копией командира партизанского отряда. Только, черт возьми, в этом крохотном участке пространства снова все происходит с точностью до наоборот!

Да! Этот фашист также был очень молод, строен и худоват, также в звании, но он даже не пытался защищаться или просить о пощаде. Будто понимал, что только смерть может смыть то Горе, что он и его соратники принесли на эту землю. Только смерть может избавить этих существ от печати позора, которую они наложили на род человеческий! Только смерть! Ведь этому нет оправдания!

«Что же это, он лучше меня? Да? Так теперь получается? – рассуждал лейтенант тяжело дыша. – Увидел, что смерть раскрыла объятия, и все? Хорошеньким стал? Сожалеешь о содеянном? Обернись назад! Посмотри, что вы наделали! Посмотри и скажи, как такое возможно? Как можно таким быть? Зачем вы явились сюда? Кто вас звал? – сердце лейтенанта готово было разорваться. Глаза налились кровью, а вместе с ней и ненавистью. Странные мысли порой появлялись в его голове, но не для рассуждений он здесь, а для того, чтобы наказать Зло. – Возможно, он все-таки не участвовал в этих злодеяниях? Возможно! Но приказ есть приказ, а приказы нужно исполнять... Так может, он действитель-

но – человек?... Так это что, значит, теперь получается? Получается, что это я – фашист?»

Ненависть. Тебя возбуди – так ты и разум затмишь. Ты-таки мега сильное чувство.

На счету лейтенанта уже много убитых. С каждым боем, каждым выстрелом их становится все больше и больше. Не забавы ради, но по-другому никак. Или ты, или тебя. А эту «чуму» нужно остановить.

Выждав время, командир выглянул из-за стены. Фашист стоял на прежнем месте, с прежним выражением сожаления на лице. Граната не взорвалась... граната не взорвалась, черт возьми!

Молодой офицер направился к неприятелю. За ним последовали солдаты и сельские жители.

Никто не проронил ни слова. А где-то там, за стенами этого дома, словно в другом мире, продолжался бой.

Глядя друг другу в глаза, будто в зеркало, эти два человека пытались понять, что же происходит на самом деле?

Понемногу возбужденная ненависть успокоилась. Остался лишь нерешенным вопрос: как поступить дальше?

– Командир, – шепотом позвал солдат и кивнул на свой автомат, дуло которого было направлено на врага.

Лейтенант посмотрел на солдата и на других товарищей, застывшие взгляды которых, как и оружие, были направлены на одну и ту же цель. Все словно ждали приказа.

Ждали приказ и селяне: это были сутулые старухи, выглядевшие немощными от прожитых лет и уставшими. Уставшими от того Горя, что принесли чужеродные. От ненависти, которая росла, как раковая опухоль, и уничтожала все человеческое внутри человека. Поэтому и ждали этого приказа, точнее, жаждали. Чтобы хоть как-то поквитаться.

Старушки были одеты в чистые, преимущественно белые, одежды. Головы также покрывали белые, в голубенький мелкий цветочек, ситцевые платки. Их взгляды были направлены в пол. А из глаз, стекая по щекам в глубоких морщинах, падали на деревянный пол слезы.

– Командир, что с вами, – негромко позвал тот же голос. – Приказ был пленных не брать.

– Нет! Не трогать его.

– Но он же с ними. Он же – фашист?

– Я не фашист! – резко ответил лейтенант, выделяя первое слово.

Теперь он совершенно не казался «зеленым». Он выглядел повзрослевшим, или возмужавшим. Или постаревшим.

Офицер посмотрел на солдата, после снова оглядел всех пришедших с ним людей...

...людей оказалось больше. Гораздо больше. Пять минут назад за ним следовали в дом, выстроенный из камня, пятеро солдат. Всего пять человек. Теперь же в этом просторном доме из сруба, который уже давно потемнел, с высоким потолком... купол?

Сколько? Сто человек, двести? Много. Очень много людей. И все ждали. Ждали решающее слово своего командира. Как поступит он, так поступят и они.

– Я не фашист, – повторил лейтенант.

...я не фашист...

Глава 2

Бег

...так уже бывало, и не раз. Веки словно склеились, но видно было, как глаза бегали из стороны в сторону, в поисках выхода. Губы едва приоткрылись, и послышался не то стон, не то слово какое. Не разобрать. А уже в следующую секунду более-менее можно было различить три слова. И так они произносились тяжело, словно просачивались сквозь решетку, словно их выдавили из грудной клетки из последних сил – я не фашист!

Вздрагнув, будто тело пронзило электрическим током, парень открыл глаза и, переведя дыхание, сказал:

– Сон. Это только сон.

«Но ведь и сон что-то да значит, – подумал Август, закинув руки за голову. Он снова закрыл глаза и попытался проанализировать увиденное. Уж очень явные были ощущения. И достаточно знакомые. – Пули и граната – как обозначение слабости, бессилия. Сам фашист – действительно как его отражение, но к чему? Как напоминание – не возбуди в себе фашиста? Разве я на это способен?... способен. Способен, но нет. Нет! Я не фашист».

Солнце.

За окном светило яркое солнце. Казалось, это был весенний день, настолько он был теплый и светлый. Настоящий весенний день. Но на самом деле заканчивался декабрь. Близился Новый год.

– Черт возьми, теплеет, – выругался молодой человек, разглядывая на мониторе прогноз погоды на десять дней. – Ну почему? Если уж не снег, то можно хотя бы прохладу подарить? На улице зима, как-никак!

Были ли это мысли вслух? А если нет, то кому предназначался вопрос? Самой матушке-природе? Но какой смысл? Ведь она молчит. Всегда молчит. Все ее эмоции выражаются в действиях – ласковых или разрушительных. И поступает она ровно так, как ей нужно, и только ей известно, как. Никого не спрашивая и ни перед кем не отчитываясь. Поэтому синоптики очень часто ошибаются. Нынче нельзя прогнозировать даже по народным приметам. Говорят, климат меняется.

Молодой человек, имя которого достаточно редко встречается, Август Кольман, который видел уже тридцать пять зим, не жаловался на неправильную погоду. Но настроен был совершенно не к этому.

Просто в зимний сезон хочется снега. Много снега. Чтоб дух захватывало, разум мутился, сердце бешено стучало от спустившейся с неба неистойвой красоты, под треск крепкого... ну как крепкого, хотя бы градусов десять, мороза. Хо-

чется перекидываться снежками, кататься по льду, с горки, высокой горки. Хочется пробираться сквозь сугробы и просто валяться на снежной перине и наблюдать, как в свете уличного фонаря продолжают опускаться тысячи и тысячи, на первый взгляд одинаковые, но совершенно не похожие друг на друга снежинки.

Снег. Вот что делает этот сезон по-настоящему прекрасным. И пусть найдутся те, кто будет жаловаться: мол, замело дороги, ни проехать ни пройти. Плевать. Таким всегда что-то не нравится. Снова плевать. Главное, чтоб естественное было настоящим.

Парень ознакомился с предположительным прогнозом на ближайшие дни, в каждый из которых температура воздуха увеличивалась в плюсе, и выключил компьютер.

– Не будет «зимы», – произнес с сожалением Август. – Во всяком случае, на юге страны. До середины февраля – так точно. И сон еще этот. К чему? Скажи на милость.

Но обговорить это было не с кем. Стены его жилья были также молчаливы, как и вопрос, посылаемый в небо и оставшийся без ответа.

Тесно.

В просторной, уютной двухкомнатной квартире становилось тесно. Даже несмотря на то, что в ней было пусто.

Да, эту квартиру давно не посещали гости, не проводились веселья, чаепития. От этого и казалось – пусто. И эта пустота сводила с ума. Становилось тесно.

Молодой человек обул кроссовки, затянул молнию куртки и, глядя в зеркало, сказал:

– Бежать, что есть духу.

Солнце.

Для декабря солнце слишком яркое. Кольман вынул из внутреннего кармана солнцезащитные очки в виде капель и уместил их на переносице. Теперь можно не щуриться. Но истинная причина, по которой парень спрятал глаза за черными стеклами, заключалась в следующем...

– Привет!

...ее звали Ольга Горлова. В прошлом она приходилась одноклассницей, теперь же они изредка здороваются. При встречах. Обычно случайных. Какой была и эта, и ее не удалось избежать.

– Август! – воскликнула женщина с распухшим, красного оттенка, лицом, вида довольно нестарой бомжихи. – Привет, красавчик! На встречу к девушке идешь? Красивый такой, надушенный. Ах! Какой от тебя запах расходится! Присядь, расскажи, кто она? Давно мы не виделись. Как поживаешь?

– Оля, у меня все хорошо, – сухо ответил красавчик. – Но если честно – спешу, поэтому давай не сейчас. Может, вечером или в другой раз.

– Ты, как всегда, нарасхват. Да, я завидую, – сказала женщина, вздохнув. – Ну, ладно, беги, не буду задерживать. Ох! А сигареткой угостишь?

– Не угощу. Отказался я от сигарет. Бросил их. Уже с пол-года как.

– Молодец, – с сожалением произнесла женщина.

Она собиралась еще что-то сказать, но одноклассник перебил ее:

– Извини, бегу. Пока! – сказал он, делая большие шаги.

– Пока! – ответила Оля. – Удачи тебе!

– Спасибо! И тебе! – крикнул парень, ускоряя шаг.

Когда-то общение этих двух людей было гораздо приятнее. Когда-то Август не избегал встреч, а наоборот – радовался им. Когда-то он питал к Оле чувства, невзирая на то, что она их отвергала. Но это было когда-то. В далеком и приятном прошлом. Навсегда оставшемся в своем времени.

Что произошло с одноклассницей после того как она вышла замуж, никто толком не знал. Вся информация сводилась к обыденной ситуации – он бросил, она сломалась. Но никто не мог сказать, что случилось на самом деле.

Да. Кольман избегал встреч с этой постаревшей девушкой, которые всегда сводились только к одному – дай сигарету, или – купи пиво. Ну купи, пожалуйста, что тебе – жалко?

Много лет он не пользовался очками в любое время года. Ученые говорят, что глаза питают солнечными лучами весь организм. Поэтому летом достаточно носить панаму или кепку с длинным козырьком. Но прежде чем Август узнал об этом, у него уже была причина их не носить. Во-

первых, это неприлично по отношению к тем, кто был без них, а таковых имелось достаточно. Хотя это «неприличие» решалось приличием, и довольно легко – он просто их снимал. Но главное, и это было действительно главное, всякий раз, когда их надевал, его не покидало чувство, что он прячет от людей глаза. А чего ему было стыдиться? Вроде как и нечего. Он не желал никому зла или еще какой гадости и подлости. Поэтому прятать или прятаться, или стыдиться ему было совершенно незачем и не от кого... ну, стыдиться – это дело такое, случается. А ученым отдельное спасибо за это открытие.

Правда, вот парадокс, теперь он столкнулся с тем, что приходится отворачиваться от людей, с которыми волей-неволей, а нужно общаться, у которых глаза скрыты за черными пятнами на лице. И не имеет значения: брат это или друг, приятель или просто прохожий, ищущий, к примеру, нужный адрес... кстати, прохожему, как раз это и простительно. Ведь он последует своей дорогой максимум уже через минуту.

С близкими людьми было гораздо тяжелее. Особенно, когда происходит диалог и вы стоите друг против друга. Почему-то всегда оказывалось, что собеседник не может обходиться без очков. Его, видишь ли, очень слепит солнце.

– Черт возьми! – возмущался Август. – Почему я могу, а ты нет? Что здесь такого сложного? Ведь это даже полезно для организма.

– А в скором времени он перестал возмущаться. Какой в этом прок? Тебя просто не слышат или не хотят слышать, что, собственно, без разницы, поэтому: «Сделай вывод и продолжай жить дальше!» – как-то сказал он себе. И вывод был сделан. Пришлось просто отворачиваться. Вследствие этого, казалось, происходили изменения. Диалоги стали суховаты. И там, где обычно эмоции включались и участливо направляли глаза на собеседника, эти самые эмоции продолжали включаться, но все реже и реже. Несмотря на внутреннюю доброту и заботливость, парень умел быть черствым и строгим. Особенно к себе. Правда, со временем Август заметил, что произошло некое отчуждение, и в первую очередь между ним и лучшим другом. Нет, конечно же, не именно из-за солнцезащитных очков, но так случилось. Хотя, может, это он считал друга лучшим другом, но не обязательно это было взаимным. А, возможно, и было, но со временем прошло. Так бывает.

Теперь мужчина носил очки сознательно, чтобы прохожие не видели его серо-зеленых глаз. Точнее, того, что в этих глазах.

– Да, зимой солнце гораздо ярче светит. Ослепнуть можно, – как-то посмеялся приятель.

– А тебя каким боком это волнует? – ответил резко Кольман. – Отвернись и продолжай радоваться жизни!

«Радоваться жизни, – задумался парень, – вот ведь какие

слова выскочили».

Да, в последнее время Август начал ловить себя на том, что разучился радоваться. Нет, не так – перестал радоваться. Что-то с ним произошло. Но что? Черт возьми, что?! Он этого еще не знал.

Всю дорогу молодой человек старался не смотреть на людей. Во-первых – правостороннее, в двустороннем, движение в стране никто не отменял. Это очень удобно. Гораздо меньше столкновений со встречными, можно вообще какой-то участок пройти и не смотреть вперед, так как знаешь, что ни с кем не столкнешься. Одним словом, это очень удобно. Так почему же есть те, кто принципиально идет тебе навстречу? Да еще с таким видом, что ты должен сойти, уступить дорогу! Кольман этого не делал.

Нет, конечно можно провести философские беседы на тему: «Правил нет!» Но не сегодня. И не завтра. И даже не послезавтра. Иначе будет абзац полный. Так как далеко не каждый понимает, о каких правилах идет речь.

А во-вторых, он знал, что большинство, а возможно, и все встречные прохожие смотрели на него. Люди и так почти всегда осматривают друг друга, но если кто-то чем-то выделяется, то уж точно незамеченным не останется. Но уж лучше так, чем они увидят его глаза. В которых... безразличие.

Глава 3

Хандра

Спустившись к побережью, Август остановился и, как всегда, огляделся. Пирс, который находился справа и формой напоминал бумеранг, был пуст. Это излюбленный пирс как рыбаков, так и отдыхающих на этом пляже. И не имеет значения, турист это или местный. Но сегодня бетонная «тропа», уходящая в глубь моря, была одинока. А впрочем, в Одессе ни один пирс не бывает долго пустым. Тем более, еще не вечер.

Парень развернулся и, не спеша, зашагал вдоль набережной Золотого берега.

Уже много лет 16-я станция Большого Фонтана остается единственным предпочтением многим другим курортным зонам города. Во-первых, это недалеко от района, который он выбрал для жизни. А во-вторых, и в частности, скорее всего, это благодаря застройщику коттеджного городка с одноименным названием – Золотой берег, который и обустроил набережную, на которой хочется быть. Вымощенная плиткой под цвет песка или камня, клумбы с настоящими живыми растениями, которые во время цветения издают головокружительный аромат. Фонтан, скульптуры львов, возле

которых круглогодично щелкают затворы фотокамер и камеры мобильных устройств. А вечером, ко всему прочему, эту красоту освещают фонари.

Это прекрасное место очень любимо горожанами...

– Август! – послышался знакомый голос. – А ты что здесь делаешь?

Станный вопрос, на который уже давно не хотелось отвечать. Не то что отвечать – его не хотелось даже слышать! С одной стороны, это восклицание как удивление от неожиданной, желанной (или напротив) встречи. С другой – собственно, а почему нет? Хорошо. Чтобы было понятнее: что делаешь здесь ты?

Август обернулся.

Это был Анатолий Талин – его более молодой бывший коллега. Как специалист в своей области, очень даже толковый и интересный. Но стоило шагнуть чуть дальше, за границы профессии, несколько расширить кругозор, – сознание Толика зависало. Оно не способно было выйти за рамки взглядов рядового обывателя. Его мировоззрение состояло исключительно из примитивных, бытовых пунктов – работа, зарплата, дом, семья, отдых на природе типа «маёвка». Скучная персона, до ужаса.

«Вот же напасть, тебя мне не хватало? – выругался про себя Август и уже собирался от Толи избавиться, как передумал. – Хотя, черт с тобой, возможно, произойдет чудо и от тебя случится какой толк».

– Привет! Как дела? – сказал Талин, снимая с правой руки перчатку.

«А это что? – возмутился про себя парень, увидев протянутую руку. – Тебе еще и руку жать надо? Что же это за времена пошли?»

Время.

Все меняется со временем. Абсолютно все. И тем более взгляды.

По правилам этикета... к черту этикет. Нет, не так – к черту рукопожатие. Мало кто знает, что такое рукопожатие; так зачем этот ненужный «обряд»? Особенно когда вместо крепкой мужской руки протягивают ручку... Женщины, подавая руку для пожатия, всегда глядят в глаза. И, несмотря на хрупкость кисти и нежного строения этого существа в целом, ощущается силушка слабого пола, что вызывает как минимум – к восхищению. Так почему же те, кто обладает мужским телом... хотя с другой стороны, хватит задаваться ненужными вопросами. Времена меняются.

– Не снимай. Рука болит, – сказал Август, не вынимая руки из кармана куртки и не соизволив при этом извиниться. Только развернулся, как бы приглашая следовать прямо.

Улыбка на только что радостном лице Анатолия заметно уменьшилась и, убрав руку, парень спросил:

– Ну, так как дела?

Да что же это происходит? Где ты находишь такие вопросы? И почему ты их находишь?

Август был взбешен. Уж слишком многое или многие начинали его бесить в последние годы, а в уходящем – так вообще мрак. «Что же со мной происходит? – этот вопрос не сходил с уст парня и, напротив, чем дальше, тем возникал чаще, по-несколько раз в день. – Как же мне из этого выбраться?».

Парень понимал, что Толя и ему подобные – это всего лишь «внешние раздражители». И с этим можно легко справиться, поэтому дело совсем не в них. Дело именно в нем, но что же именно с ним случилось – это как раз и вопрос, на который он не может найти ответ! И проще просто сейчас дать, со всего маху, этому Талину кулаком в рожу и послать его как можно дальше, но что это даст? Станет ли легче? Уверен?

– Если честно – не очень, – в тон своим мыслям ответил Август, – и не буду скрывать – хреново. Даже очень. Вот только, что ты под этим понимаешь?

– Без работы сидишь, – предположил бывший коллега. – С финансами туго. Что здесь непонятного?

– Примитивный и неизбежный вывод. Копнуть глубже ты, к моему огромному сожалению, не способен. Поэтому и «молока с тебя, как с козла». Но не переживай так сильно. Ты не единственный такой. Тебе подобных очень много.

Почему?

Ну почему все сводится в рамки бытового уровня? Неуже-

ли кроме материальных ценностей, в этом мире поговорить больше не о чем? Ну не может Жизнь быть настолько примитивной, настолько одинаковой и пресной от однообразия! Не может, я вам говорю, иначе хочется повеситься.

Почему? Ну почему у большинства одинаковое мышление?

– Что-то я не понял, – начал Анатолий, и тон его голоса заметно поменялся.

– Ах! И не пытайся, – отмахнулся Август, но, не желая отпустить «жертву», продолжил разговор более дружелюбно. – В душе моей хреново, понимаешь?

– А-а, понял. Так бы и сказал. Но не понял насчет молока с козлом?

– Скучно мне. Не с кем-то. Мне скучно. Хотя и с кем-то тоже, – продолжал Август, не обращая внимания на прозвучавшую реплику. – Пусто стало. То ли во мне, то ли вокруг меня. Пропал интерес жить, понимаешь? И если у тебя, случайно, есть рецепт, который поможет мне выйти из этого состояния – поделись. Пожалуйста.

– Депрессия?

– Не совсем так. Со мной, вроде как, все хорошо, не на что жаловаться, а с другой стороны ничего хорошего.

– Хандра!

– Хандра?

– Именно! И получается, в любом случае тебе нужен ал-

коголь, и много.

И это сказал человек, который пить начал аж в двадцать девять лет! И только лишь потому, чтобы в полной мере вписаться в коллектив! Двадцать девять! На хрена, спрашивается? Трезвый образ жизни. Никакого похмелья. Трезвый взгляд. В эти годы определяются и закрепляются ценности, накапливается мудрость. Ни тело, ни разум не отравлены алкоголем. В двадцать девять лет!

Теперь же он эксперт.

– Как быть с тем фактом, что я не пью?

– Подожди, серьезно? – не поверил бывший коллега. – С тех самых пор?

– Разве я шутил? С тех самых пор.

Август и Талин проработали вместе около двух лет. Старший сотрудник тогда еще употреблял алкоголь, и когда Анатолий выставлялся по поводу первой зарплаты, то веселился на вечеринке. Но спустя какое-то время объявил, что отказался от спиртного.

На это заявление последовала неоднозначная, как оказалось – естественная, реакция. Сначала подобное было воспринято как воздержание до первой пьянки, то есть до пятницы, которая была не за горами и, что немаловажно, именно Кольман был зачинщиком пятничных гулянок. И далеко не каждый пятый день недели заканчивался без коньяка или пива. Не исключением была и подоспевшая пятница. Правда, к большому удивлению коллег, Август выпил за вечер

всего два бокала безалкогольного пива. И дальше в том же духе и даже хуже. Впоследствии он заменял пиво водой или соками, объяснив это тем, что после пива голова болит.

«Как-то все это подозрительно!» – шушукались между собой сотрудники, косясь на новоявленного трезвенника. Со временем они перестали звать его на посиделки или вечеринки. «Ты же не пьешь, – говорили они, – теперь с тобой не интересно».

Не интересно.

«Разве от того, что перестал употреблять алкоголь, я стал хуже? – не раз вопрошал парень, – разве от того, что продолжаю трезво рассуждать, оказывать помощь, выполнять обещания и многое прочее – я стал хуже? Если хочу поправить здоровье и дышать здоровьем, разве это неправильно? Я стал чужим?».

«Люди! Скажите мне, что с вами произошло, я хочу понять?!».

Со временем Август все это переосмыслил: «Нет. Это мне теперь с вами не интересно». С тех пор все подобные вопросы исчезли, словно их никогда и не было. Исчезли и коллеги, приятели; друзья появлялись реже, словно их тоже не было никогда... Нет, иногда они мелькали на его пути; словно упавшие листья, гонимые ветром, пролетали мимо.

Появилось больше времени. Вот только что с ним делать? Молодой человек отличался привлекательной внешне-

стью. Даже очень привлекательной, но, что весьма удивительно, был без пары. Последняя женщина, с которой он прекратил отношения полтора года назад, была любовницей. Прекрасной, чувственной... эти отношения имели все основания перейти в нечто гораздо большее, но она была замужем. Она никогда не была представлена никому, совершенно никому, даже когда о ней, но не лично о ней, заходил разговор.

Между ними были очень теплые отношения. И с каждой встречей они друг другу становились все ближе и ближе, забывая изначальный договор – они не претендуют друг на друга. Точнее, она все же надеялась, что пройдет время и договор сотрется в пыль. Поэтому эту связь пришлось прервать.

День был будничным и очень солнечный. Дул едва заметный ветерок. И тех, кто решил не сидеть в четырех стенах, а подышать теплым, солоноватым морским воздухом (особенно женщин), было достаточно. Бросалось в глаза множество детей, начиная с «колясочного» возраста и заканчивая возрастом «сэлфи» с прыжками перед камерой мобильного телефона.

Встречались влюбленные пары, – они всегда держатся за руки. Замечались женатые, – те обычно идут рядом, смотрят в разные стороны с кислыми лицами или тычут пальцем в смартфон. Пожилые люди, чаще – одного пола, по обыкно-

вению что-то оживленно обсуждали. Или осуждали.

Два молодых человека остановились возле кафе.

Кольман взял кофе, без молока и без сахара, чем удивил бармена... собственно, а чему удивляться? Кофе и кофе с молоком и сахаром – это совершенно разные напитки! И когда говоришь – кофе, то и подразумеваешь кофе – крепкий, горьковатый, ароматный, бодрящий напиток. Другое дело кофе с молоком и сахаром, – ну никак не сопоставимо с кофе! Просто вкусный напиток. Черт возьми, чему удивляться, если человек хочет кофе?... Анатолий же взял пиво.

Парни присели за стол, повернувшись лицом к морю.

– Тебе, кстати, очки не мешают?

– Совершенно нет. Они сегодня очень даже кстати, – ответил Август и повернул лицо к солнцу.

– Я никак не могу понять, все-таки почему? – спросил Толя и присосался к бутылке. – Ты веселился, нас веселил, память, вроде как не терял, работу не прогуливал, на здоровье не жаловался.

– Нет, не жаловался. Но начал замечать, что ощущения похмелья в организме изменились.

– Это как? – поинтересовался собеседник, закуривая.

– Думаю, ты не раз встречал человека, особенно в транспорте, от которого несло таким перегаром, что дышать возле него нечем?

– Да, встречал и поражался, как можно так пить?

– А я тебе объясню – обыкновенно.

– Хорошо объяснил, – сказал Талин. – Главное, доступно для понимания.

Что здесь непонятного? Выпиваешь себе с приятелем или компанией, душевно так, не спеша ведется «интеллектуальная» беседа. Глядишь, появилась вторая бутылка, возможно, третья, а еще лучше – пиво, на худой конец шампанское. И будь готов, что на следующее утро в том же транспорте от тебя будет разить точно так же. Правда, ты этого знать не будешь, ведь чувствуешь себя чемпионом «литр-бола». При этом память не теряешь, домой возвращаешься на своих ногах, «вертолеты» прогоняешь взмахом всего одной руки... А ты, оказывается, силач? И гордость распирает от количества принятого на грудь, да еще и понижая градус. Ах! Мужик! И только люди в транспорте думают: это же надо было так нажраться!

Но более ощущаются изменения в организме, когда ты заходишь в туалет, после такого силача, который только что облегчился... как же хочется выразиться нецензурно. И форточка открыта, и вытяжка работает, а дышать нечем. Да что дышать – глаза режет! Такой смрад стоит, что и говорить не хочется. Зато начинаешь понимать, что когда сам напиваешься до состояния «силача», то ничем не отличаешься от тех, кого осуждаешь. И весь этот смрад, так удачно спустившийся в унитаз, – это и есть ты. Твой отравленный организм.

Много лет Август (черт возьми – кто выбирает такие имена?) вынашивал идею отказаться от алкоголя. Перестать употреблять совсем. Нет, не потому, что много пил или часто. Он придерживался правила принимать алкоголь в праздничные или выходные дни. Бывало, среди недели. Редко, но имело место быть. Случалось выпивать в полдень. Редко, но случалось. Так разве это часто? Конечно, в последнее время употребление алкоголя происходило несколько чаще, но все же – разве это часто?

Много пил? Отнюдь. Пил исключительно в меру. Да, бывало прозревал или хвастался количеством, но если пилось – разве это много?

Надоело. Просто надоело травить себя.

– Нет, лично я до такого состояния не напивался, – отреагировал Толя. – Чтоб так разило, как ты выразился. Смрадом.

– Да ладно, – махнул рукой Кольман. – Я же не жду от тебя оправданий.

– Так я и не оправдываюсь, – парировал собеседник и допил пиво. – И почему сразу «травить»? Алкоголь создан для того, чтобы человек мог расслабиться, снять стресс. Что в этом плохого, если это полезно для здоровья? Я, например, позволяю себе иногда по вечерам выпить грамм сто за ужином. Это реально помогает быстро снять напряжение

и не выливать в семье негатив, – сказал парень и поднялся. – Извини, я быстро – и продолжим.

«Врешь! – чуть было не крикнул ему вслед бывший коллега, но спохватился. Нельзя этого делать. – Врешь и не краснеешь».

Эксперт, который наверняка не знает, для чего был создан алкоголь. Да и зачем знать? Алкоголь стал неотъемлемой частью бытия и «счастья». Общество приняло его с распростертыми объятиями. И его можно смело поставить на одну доску с многими лекарственными препаратами, как для тела, так и, что является важнее, для души.

Толя вернулся действительно быстро. В этот раз кроме пива он взял сто грамм водки и два пакета чипсов.

– Так веселее будет, – сказал он и положил перед Августом пакет. – Надеюсь, ты не откажешься.

– Спасибо, – ответил Август и спросил: – А у тебя что случилось? Почему ты не на работе?

– Взял отгул. Неважно себя чувствую. То ли заболел, то ли что? Не знаю. Состояние вялое. А вот и лекарство от всех бед. Твое здоровье, – сказал парень и отпил половину рюмки.

Выдохнув, Талин запил водку пивом и зашелестел пакетом с чипсами.

– Я думаю, главное – знать меру. Бери пример с меня, я всегда знаю меру. И ты мог бы пить, просто меньше.

– Я многое могу и, естественно, мог бы и это. Но «мень-

ше» – это сколько? Я ведь много не пил. Мера? Всегда соблюдал. Даже тогда, когда понимал, что мера пройдена. Но пил в меру.

– Ну как это «соблюдал», если мера оказалась пройдена? – не понял Анатолий.

– Все очень просто, – объяснял «коллега в прошлом». – Я употреблял, зная меру. Но в какой-то момент – опаньки, и оказалось, что мера пройдена.

– Я тебя не пойму...

– И не пытайся, – перебил парень. – Ведь главное здесь не мера, а то, что я просто не хочу больше употреблять алкоголь. Не – хо – чу. Ни много, ни мало, совсем не хочу. Я отказался от алкоголя, а ты пытаешься приобщить меня вновь к этому пагубному пристрастию.

Странное выражение зависло на лице собеседника – то ли непонимания, то ли протеста. Он что-то собирался сказать, но не решался. И тут его взгляд остановился на рюмке. Решительным движением он ее поднял, снова пожелал здоровья и проглотил ее содержимое так быстро, словно боялся, что отнимут.

Ну как это, не пить? Все пьют! Алкоголь раскрепощает, сближает людей, не только открывает сердца, но и развязывает языки.

Разве можно петь песни, не «разогрев» горло? А разве реально танцевать, не приняв предварительно на грудь доб-

рую порцию беленькой? Как вы представляете себе приготовленную на костре из свежепойманной рыбы уху без сорокаградусной? Объясните, пожалуйста, как можно «отжигать» в ночном клубе, не принимая алкоголя или наркоты? Вы, вообще, нормальные люди? Зачем тогда ужинать в ресторане, посещать светские приемы? Вас за своего не примут, будьте покойны! Если вам по душе здоровый образ жизни, ясный взгляд и трезвый ум – общество вам этого не простит!

Да плевать! И снова плевать!

Талин снова отлучился, и также скоро вернулся к столу. Но в этот раз вместо стопки он держал графинчик, в котором было приблизительно двести граммов прозрачной жидкости.

– Стоял и гадал – водку брать или коньяк? – сказал он, присаживаясь.

– Какой смысл от коньяка? Ты же алкаш, а не гурман.

– Ты меня в алкаши записал? – возмутился парень.

– Нет, но давай рассуждать логически – во-первых, ты все равно запиваешь пивом. То есть перебиваешь резкий, неприятный вкус алкоголя, а не наслаждаешься им. А вкусом и ароматом коньяка именно наслаждаются. И как следствие подобного употребления, это желание как можно быстрее вызвать эйфорию. Искусственную, разумеется. А во-вторых, следи за цепочкой – тех, кто курит сигареты, называют курильщиками. Кто принимает наркотики – наркоманы.

Следовательно, те, кто употребляет алкоголь – алкоголики. Коротко – алкаши. Думаю, не обязательно набирать стаж, чтобы в конце концов понять, что ты алкаш.

Толик перевел окосевшие глаза на собеседника.

– Нет, ты еще не конченный. Ты просто алкаш, – успокоил

Август.

Правда, он хотел добавить – мол, у того все еще впереди, тем более, с такими темпами, но сдержался.

Не сдержался Анатолий, никак не разделявший мнение собеседника. Он поднял указательный палец правой руки вверх, после наполнил рюмку, выпил, запил пивом, закурил и... черт возьми, он совсем не закусывал!

Молодой человек взял слово.

Глава 4

Одиночка

Для чего?

Действительно, для чего отказываться от эйфории, пусть даже искусственной, которая по факту мгновенно превращает серые краски в разноцветные? Человечество во всем мире употребляет алкоголь и признает это «праздничным» напитком. Люди веселятся. Люди радуются. Они становятся счастливыми, – как можно этого не признавать?

Талин снова выпил водки и перевел взгляд на бывшего сотрудника:

– Что тебе все время нейдет? Тебе всегда нужно выделиться, будто ты лучше других, выше других. А чем ты лучше? Чего ты прицепился к алкоголю? Не нравится – не пей! Что ты учишь все время, как надо жить, что надо делать? Как надо делать? Ты что, самый умный? У тебя нет ни подруги, ни друзей, скажи, это достижение твоего ума?

Август смотрел на парня, не отводя глаз и не перебивая. Незачем. Пусть думает, что прав, выскажется и катится ко всем чертям.

– Да, я уже слегка пьян, но я сейчас приду домой, где меня ждет моя жена. И, несмотря на то, что я пьян, она меня при-

мет даже в таком виде. А тебя никто не ждет, потому что ты один. Потому что самый умный, но никому не нужный. Ха-ха! – усмехнулся Анатолий. – В рифму попал! Вот уж не думал!

Кольман слушал и удивлялся. Раньше бы он уже давно вскочил, набросился с кулаками на «обидчика», ну или, минимум, послал бы того как можно дальше. Но сегодня он молчал. Как будто все, что говорил Толя, было правдой.

Умный? А когда это не приветствовалось или не поощрялось? Когда это умными не восхищались, не ценили их, не осыпали овациями и криками «браво»!? И, собственно, когда это быть умным сказывалось отрицательно на окружающих?

И далее – разве умному человеку нужно выделяться? Он и так заметен. Без каких-либо дополнительных средств. Без улучшающих формул, так как он просто лучший. И именно благодаря уму продолжает улучшать себя, быть лучше.

Разве это недостижимо? Неужели нужно, для начала, занизить самооценку, сделать это корнем своих проблем и винить этот корень во всех неудачах до конца своих скудных дней? Почему желание быть лучше открыто выражается в таких чувствах как зависть? Почему бы просто не заняться улучшением себя? Шаг за шагом, не спеша, но осмысленно. Медленно, но уверенно в сторону – быть лучше.

Анатолий вылил оставшееся содержимое графина в рюм-

ку; не говоря ни слова, выпил, запил пивом и сказал:

– Ты одиночка. Эгоист и одиночка.

– Да, я это осознаю, – ответил Кольман совершенно безразличным голосом.

– Вот и оставайся один. А мне пора. Меня жена ждет. И она, между прочим, меня любит. А тебя никто не любит. Потому что ты никого не любишь.

Талин посмотрел на бутылку. В ней оставалось четверть пива. Он закурил и, не протягивая руки, вышел из-за стола, прихватив с собой бутылку.

– Мое вам с кисточкой, одиночка, – сказал он и зашагал нетвердой походкой прочь.

Впрочем, и речь его уже становилась заметно расплывчатой.

«Интересно, с чего ты решил, что я никого не люблю? А впрочем – плевать. Даже если ты не ошибаешься».

Но вот в чем точно ошибался бывший коллега, так это в том, что дома его ждет любящая жена.

Нет, не ждала. Потому как устала. Устала просить его оказать ей сначала мужскую помощь. Потом внимание, которое само по себе – естественное желание для женщины. Она перестала понимать, что такое забота мужа. А следом она желала ласки... и в конце концов, ей надоело каждую ночь дышать перегаром!

Толя ошибался, потому как давно променял жену на водку с пивом. И не сто грамм он выпивает по вечерам. С них он

только начинается. А заканчивает бутылкой или даже следующей. Потому его жена иногда смело оставалась на ночь у...

Одиночка.

Когда-то это казалось случайным, редчайшим, единичным случаем. Просто человеку не повезло в жизни, и теперь он зовется – одиночка. Приводились какие-то примеры этого самого его невезения, хотя, если разобраться, ведь никто не называл (а может, потому не называл, что не знал) истинной глубины, причины того самого невезения, побудивших стать его одиночкой.

По прошествии многих лет суть определения этого слова не поменялась. Выходит так, что одиночка – это человек, который не женат (не замужем, разведен), живет без детей, не имеет как таковых друзей. Мало с кем общается. И общаться с ним особо никто не желает, так как на нем словно висит проклятие. И это наводит страх на окружающих, которые боятся даже смотреть в сторону этого человека, лишь бросают косые взгляды.

Так и живет себе человек, в одиночестве. И никто даже и не пытается узнать и тем более понять причину. Ведь, по большому счету, всем плевать. Правда, некоторые из этих «никто» строят догадки, и каждый свои, порой даже извращенные, но так кажется гораздо правдивее. И распускают слухи.

Или вот еще – мать-одиночка... как она может быть оди-

ночкой, ведь она – Мама! Как, черт возьми, если теперь с ней вся Вселенная!

Да, интеллектом Август не был обделен. Возможно, поэтому привилось ему и культурное воспитание. Парень не имел привычки перебивать собеседника и, по большому счету, был терпелив к иному высказыванию. Так почему же нельзя выслушать его? Что толку – перебить и извиниться? Предварительно извиниться и снова перебить. И снова!

Да, парень извинял. Потому как был воспитан. Но в конце концов понял: «А для чего мне тебя извинять? Тебе ведь не важно мое мнение? Что толку мне от твоих извинений, если ты без конца меня перебиваешь и слово не даешь сказать? У нас не беседа получается, а монолог. И если тебе не важно мое мнение, так и мне плевать на твое».

Молодой человек научился определять, с кем стоит говорить, а с кем нет. Кто будет слушать, а кто нет. Даже кто услышит, а кто нет. Это очень хорошо помогало экономить личное время и не засорять голову различным мусором. Но если все же находился тот, кто вторгался в беседу и беспардонно перебивал, Август просто его игнорировал. Без всякого сожаления и извинения.

И пусть это покажется смешным, но честно, уж лучше одиночество. Понимание этого становится естественным. Со временем.

Кольман смотрел бывшему коллеге вслед, и хотя тот и был

уже метров за сто, но было видно, как он задрал голову, приложил к губам горлышко бутылки, а секунд через пять швырнул ее на пляжную территорию. Прямо на песок. За что и был тут же остановлен крепким мужчиной в черной форме.

О чем они говорили, догадаться не составляло труда. Также видно было нежелание Анатолия подчиняться. И кто знает, какие аргументы пришлось привести мужчине в черном, но это, таки да, сработало – Толя забрал бутылку и выкинул ее в урну.

Одиночка.

Почему все так слепо? Почему понятие «одиночка» относится к тем, кто живет один? Вон их сколько, одиноких. Собачек выгуливают, кошечек. Встречаются в кафе выпить кофе, но не выпускают из рук электронные устройства, склонив перед ними, словно рабы, головы. Гуляют парами, а смотрят на других. Рассказывают, что супружество, дети – это лучшее счастье для человека, но почему-то предпочитают им алкоголь и зачастую вне семейного очага... или может, для счастья не эти пункты нужны?

Сколько вас, таких, которые пытаются «спрятаться» от одиночества. Которые боятся признаться себе в одиночестве, но смело высмеивают других.

«А может, в море прыгнуть? – подумал Август и перевел взгляд на безмятежную волну. – Вода должна быть достаточ-

но холодной. Долго плыть не придется».

Мужчина вынул из кармана куртки телефон, несколько раз потыкал в него пальцем, после чего приложил к уху.

– Привет, – услышал он приятный, но с легкой претензией женский голос. – Ты решил мне позвонить? Что случилось? Не поверю, если соскучился.

– Тебя я всегда рад и видеть, и слышать, и не только...

...да, это была чистая правда – не только это.

– И ты это прекрасно знаешь.

– Так почему же...

– Молчи, – перебил негромко парень. – Ты знаешь, почему. Но звоню я по причине – Толю твоего встретил, неожиданно. Сейчас домой направляется. Если, конечно, не затеряется где еще.

– Переживаешь за меня?

– Совсем капельку, – солгал мужчина.

– Спасибо, но не нужно. Я одна. В прямом и переносном смысле. С тех самых пор. И, если честно, очень рада тебя слышать.

– Я тоже очень рад...

...парень собирался произнести еще несколько слов, которые сами вырывались из мозговой клетки, которые он давно сознательно спрятал под замок, но, услышав ее голос, не мог уже совладать с собой. Он вспомнил ее всю – от шелковых волос, искренней улыбки, любящего взгляда карих глаз, ласковых рук и до каждого квадратного сантиметра нежной ко-

жи.

От одиночества тяжело только в одном случае. Когда некого обнять – и не в плане на одну ночь. Это очень тяжело. Человек не должен быть один.

Но в телефоне послышалась тишина. Глянув на черный экран, парень удивился:

– Я не знаю, что тебе на это сказать. Ты отключился не вовремя или таки как раз вовремя? И кстати, почему? Ну, раз уже выключился, то и будь выключенным.

Да, человек не должен быть один. Так считает человек. Но тот же человек считает – быть лучше одному, чем вместе с кем попало.

С тех пор, как Кольман отказался от алкоголя, ему не раз приходилось объяснять – почему? И всегда акцент был на здоровье. Своем собственном здоровье.

Было всего две причины. И обе заглавные. По одной причине выходило: Августу надоело, что затуманенный разум становится как бы не управляемым. Будто в нем появляется стена, которую хочется перешагнуть, но по неизвестным причинам не получается. Словно сознание вымирает, образуется пустота, и твое существо становится беспомощным и жалким. А этого молодой мужчина в рассвете лет не мог себе позволить.

По другой причине – парень реально чувствовал, какой вред испытывал его организм. С каждым похмельем, кото-

рое к тому же все тяжелее переносилось, казалось, будто ядохимикаты разъедают внутренности. Словно организм сгорал, и внутри, как и в сознании, также образовывалась пустота. Проявлялось понимание отчуждения с самим собой. Медленного и уверенного разрушения себя изнутри. И это нужно было срочно остановить. Он хотел этого. Для себя.

Плюс ко всему, каждое похмелье означало безвозвратную потерю времени, минимум, двукратно.

Но то, о чем говорил Кольман, редко кто мог услышать. Абсолютное большинство вопрошавших, по совершенно непонятным причинам слышали совсем иное, от этого начинали перебивать его, приводить доводы.

В социальных сетях часто можно встретить видео, где старушка, которой около ста лет, хвастается ежедневным употреблением алкоголя. Несмотря на возраст, она всегда бодр и весела. Еще видео, где алкоголь, в разном его виде, преподносят как лекарство.

Все это реклама. И многие с удовольствием внимают ей. Словно это оправдывает их действия.

Зачастую Августу приходилось объяснять заново, но его снова перебивали, снова приводили доводы...

«Чего вы боитесь? – задавал вопрос Август. – Я вас спрашиваю, чего вы боитесь? Разве я отнимаю у вас эту отраву? Разве агитирую вступить в ряды трезвенников? Я лишь пытаюсь ответить на ваш же вопрос, почему я отказался от алкоголя, не более! А вы ведете себя так, будто я лишаю вас

единственной радости в жизни!».

Глава 5

Альтернатива

Радость в жизни.

«Черт возьми, снова эти слова выскочили, – задумался Кольман. – Алкоголь как радость в этой жизни. Смешно. А я, такой себе злодей, отнимаю эту радость. Снова смешно. И как теперь они будут жить, без радости? Жить... без радости... алкоголь как радость... так вот, значит, что со мной!».

Молодой человек замер.

Вот оно что. Он лишил себя искусственной эмоции, именуемой «радость». Того самого потрясения, эйфории, эмоционального всплеска, вызванного именно алкоголем. Наркотическим веществом. Веществом, вызывающим зависимость.

Его состояние, как он любил выражаться, застряло на отметке «ноль». Строго посередине между минусом и плюсом. Между белым и черным. В безжизненном положении. И от этого было пусто – «то ли во мне, то ли вокруг меня». Совершенно пропал интерес – Жить, как и к самой Жизни. Нужно было срочно шагнуть и неважно, в какую сторону. Главное, ожить. Но парень и в этом не видел никакого смысла. Не помогало даже занятие спортом.

А ведь в прошлом подобное состояние, длинной в долгие месяцы, не допускалось и близко. Когда находила грусть-тоска, вынимался из мини-бара коньяк, или водка из холодильника, пиво, – все зависело от веса тяжести на душе. И не важно было: один пил, с другом или в компании. Просто напивался – и всю печаль снимало на раз. Становилось весело, красочно. Жизнь налаживалась.

А наутро бывало хреново. Иногда где-то даже дальше, чем хреново. Спасением служил кефир или газированная вода, типа минеральная. На совсем худой конец пиво.

Да, становилось легче. Трезвел. Появлялось понимание того, что так жить нельзя, поэтому обязательно, можно сказать, в принудительном порядке происходили перемены и жизнь действительно налаживалась. Но теперь Кольман не употреблял. Остались лишь воспоминания о, так сказать, «спасительном круге».

И таки да, это было спасением. Что же сейчас?

Сейчас в его сердце не было той единственной, незаменимой во всех смыслах, столь желанной для жизни – радости. Равномерным стуком, без каких-либо дополнительных живительных колебаний, сердце отсчитывало часы существования. Жизнью это назвать нельзя. Так неужели алкоголь смог убить в нем, заменить естественные чувства на искусственные?

Нет! Неправильно это. Ложь! Так не должно быть! Человек не употребляет алкоголь с самого рождения. Он умеет...

нет, не то слово... радость и горе, – эти чувства для него просто естественны. И необязательно уничтожать их сорокаградусным ядом, чтобы учиться быть счастливым искусственно.

Альтернатива! Должна быть альтернатива! Точнее, она есть, в самой природе, нужно лишь понять – что это? Нужно всего лишь вспомнить, как радоваться по-настоящему. Как чувствовать, жить по-настоящему! Всегда! Каждый день! Каждое мгновение! Вставать по утрам с кровати не с головной болью и жаждой «вчерашней смерти», а с легкостью и желанием жить! Не наполнять перегаром комнату, от которого самого воротит, но жадно вдыхать аромат тела желанной женщины, ласкать ее...

...Август жил один.

Молодой человек поднялся и зашагал вдоль берега. Возвращаться домой было еще рано. Да и что делать дома? У него и кошки не было. Его никто не ждал. Одним словом – эгоист.

«Видишь, как получается, Толя, – подумал парень. – Ты даже об этом не догадываешься, а я, кажется, понял причину своему настроению. И возможно, таки, благодаря встрече с тобой. Осталось теперь подобрать правильное решение».

Хороший стоял день. Тихий, солнечный. В прозрачной воде отчетливо виднелось ребристое дно, жемчугом отблескивали ракушки.

Человек пятнадцать, разного возраста и пола, кормили

хлебом чаек. Их кружило над людьми около сотни. Кто фотографировал их, а кто фотографировался на их фоне.

Кольман направил было руку во внутренний карман, но передумал. Ведь телефон выключен. Да и фотографировать на него с этого расстояния бесполезно. Картинка не получится. А спускаться на песок не было желания. Поэтому он решил просто стоять и смотреть.

Все эти люди были с кем-то. Парами. Никто не стоял отдельно в сторонке. Периодически каждый из них оглядывался и смотрел на парня и других зрителей. Они выглядели счастливыми. Их лица излучали свет, и Август вдруг испугался! На его лице по-прежнему находились солнцезащитные очки, но он боялся, что эти люди сквозь черные стекла увидят его глаза и то, что в них скрывается. И кто знает, чтобы не перешло это его состояние на людей. Ведь и Август едва с ним справляется.

Нет! Этого нельзя допустить! Нужно убираться! Они могут излучать свет, так пусть и излучают. От позитива можно научиться только позитиву. Его же и распространять.

«Так, значит, все-таки в море? – вновь вернулся к этой мысли Кольман, но уже без мрачных помыслов, продолжив путь по набережной. – Как альтернатива. Ведь, если разобраться, крещенские купания ох, как бодрят! Колоссальный „взрыв“ потрясения происходит как в теле, так и в сознании, почему нет? Ощущения невероятные, причем целый день!».

А, действительно, почему нет?

Да. Сегодня был тихий, солнечный день. Можно и окунуться. И не обязательно ждать праздника. А сколько таких дней бывает за зиму? Много. И, даже если окунуться раз в неделю, это все равно действует гораздо мощнее, чем алкоголь. И без всяких последствий.

Решено. Осталось дело за малым – выбрать удобное место.

Удобное место заключалось в глубоком участке, но не слишком.

Окунаться в море на Крещение уже несколько лет как стало для мужчины вполне естественным и приятным событием. И за эти годы он понял, что окунуться в море, покой и безмятежность которого нарушает лишь исходящая от тебя же рябь, и в день, когда штормит – это совершенно разные купания. Когда ветер обжигает так, словно тело обдувают из пескоструйки.

Чтобы окунуться, приходится заходить дальше, в глубь, так как волны создают мель. Нет, не заходить – бежать. Это занимает менее минуты, но из-за обжигающего холодом ветра и ледяной воды кажется, что проходит вечность. В которой с трудом можно отогнать такую предательскую мысль: «Да разве мне плохо жилось?»

Кажется, что ноги сковало льдом, а кто-то режет их стеклом.

То ли дело в штиль. И пусть галька, покрытая инеем, липнет к стопам, а ты все не можешь понять, как это можно –

с каждым шагом ступать на острые камни? Но уже погрузившись в воду, хочется даже плыть.

Ощущения не передать словами. Да и описать это правильно не представляется возможным. Остаются лишь взывавшие эмоции.

Достигается... хотя вряд ли это достижение – постигается? Нет. Просто... словно вошел, или оказался... в «умиротворении»? Нет, не так, и не в «покое»... Блаженство! Пожалуй, вот правильное определение состояния. Да, именно блаженство!

По времени это исчисляется в секундах, и так же кажется, что проходит вечность. Поэтому главное – не задержаться, даже на одну лишнюю «вечность», иначе можно так и остаться в «блаженстве».

Еще издали Август заметил на пирсе в виде буквы «г», только повернутым в другую сторону, человека. Присмотревшись, парень улыбнулся, словно увидел знакомого, и ускорил шаг.

На этом пирсе находился всего один мужичок. Перед ним лежали пять удочек. Снасти были закинута на разном расстоянии. Это было видно по леске, которая покачивалась под накатом малых волн.

– День добрый! – поздоровался парень, снимая очки. – Как Ваши успехи?

Кольман понимал, что зачастую этот вопрос, и подобные

ему, вызывает у рыбаков некое раздражение, но он надеялся, что был первым вопрошавшим, поэтому ответ будет дружеский.

– Добрый, – ответил мужичок. – Выбрался, это уже успех.

Мужчине на вид было лет шестьдесят, и выглядел он достаточно бодро. Искренняя улыбка, открывшаяся на заросшем волосами лице, была тому в подтверждение и располагала к приятной беседе. Такие люди всегда могут поделиться опытом.

– На «плоскую» закинули? – спросил Август, видя возле сумки ферину в баночке.

– Хочется, чтоб плоская, а там уже, что будет.

– А как думаете, шанс поймать камбалу сейчас есть?

– Вот когда пришел к морю, наживил снасти, закинул удочки – вот это уже сто процентов есть шанс, – сказал рыбак, улыбаясь. – А у тех, кто сидит на диване и разглагольствует о шансе, шанса-то как раз и нет. Совершенно нет.

– Да, тут Вы правы. Просто зимний сезон, а есть ли она у берега, вот что интересно, – сказал молодой человек.

– Вы, как я погляжу, тоже в ожидании весны?

– Да, но если такая погода, то планирую в начале недели на реку поехать.

– В начале недели прогнозируют похолодание. Думаю, Вы задержались с решением.

– Да? Я так и думал, что как только соберусь так и погода изменится!

– Возможно, благодаря Вам, природа нас морозом и снегом побалуует? – рассмеялся мужчина.

– Я и сам только за, и душой и телом, чтоб зимой – зима была. А поклевки-то были? Может, бычок какой? – спросил Август, поглядывая на удилица.

Поклевка.

Бывает, что за весь час рыбалки и этого не увидишь, не то, что рыбу. Поэтому для тех, кто длительное время не рыбачил, и простая на первый взгляд поклевка, будь то подергивание кончика удилица или звон колокольчика, большую радость несет, и особенно в не сезон.

Мужичок сказал, что раскинулся менее двух часов как. И рыбу еще не словил. Но в первую очередь он доволен самим процессом, который помогает отвлечься от суеты. Ведь никогда не знаешь, вернешься с уловом или нет. Крупная клюнет или вообще не клюнет. И это при том, что вернуться с уловом хочется всегда.

– В этом мы с Вами похожи полностью, – сказал парень и попрощался. – Ну, ни хвоста ни чешуи Вам!

– Спасибо, и Вам, если соберетесь.

Кольман поблагодарил и отправился обратно. Возникло решение – возвращаться домой. На его лице появилась улыбка. Несколько минут с совершенно незнакомым человеком, но настроение приподнялось. На короткое время стало легко.

Ему вспомнился сон. Перед глазами, четко и ясно, пред-

стала сцена в доме. Волна ощущений вмиг нахлынула как в сознание, так и в тело, и переживания были, как и при пробуждении, слишком явные. Интересно, все-таки к чему он?

Придерживаясь встречной половины дороги, приближалась женщина. На вид ей было лет к пятидесяти, и фигура соответствовала возрасту. На лице не наблюдалось и тени улыбки, и видно, от этого подбородок несколько задрался вверх. В руке она держала тонкий поводок, на конце которого была прицеплена собачка. Игрушка, так называл парень подобных домашних питомцев. Маленькая, то ли пушистая, то ли обстриженная, или совсем без шерсти, с маленькими или выпученными, всегда слезящимися и перепуганными глазками. Перепуганными и наполненными постоянным вопросом – что я?

Поводок был длинный, поэтому «игрушка» свободно бежала впереди хозяйки и по встречной половине. Она как раз приходилась под шаг, вернее под удар от ноги Кольмана. Который в свою очередь поглядывал то на игрушку, то на ее владелицу. Странно, но та ничего не предпринимала. Она лишь смотрела на шедшего человека и на свою собачку, которая находилась на его пути. И кто знает, что было у нее на уме, но однозначно совершенно не то, что нужно было.

Игрушка взвизгнула.

Глава 6

Игрушка

Кинологи, собачники, любители собак.

Ну, с определением «кинолог» – это понятно. Но собачники – что это? А любители собак, это которые? Скорее всего, это те, кто путем селекции производят такие вот игрушки. Маленькие, такие миленькие, пушистые симпатюлички. Особенно когда им три – четыре недели. Причем выбор и цвет становится все разнообразнее. А другие, такие же любители собачек, покупают эти игрушки, и с большой радостью. Но вот парадокс. В глаза бросается обязательная закономерность – чем больше таких игрушек производит «фабрика», тем больше собак появляется на улицах. Причем и некогда породистых кровей.

Казалось бы, возьми собаку с улицы; вымой, вычеси, накорми – и не будешь знать преданней животного. Вон их сколько. Выдрессируй, научи прыгать через ногу, ходить на передних лапах. А после, если стыдно говорить, что это чудо – обыкновенная дворняга, выдумай слово, которое не выговорить, чтоб не сломать язык, и говори всем, что это заморская, древнейшая и редкая порода. Очень дорогая, кстати. Плюс, добавить еще душещипательную историю

о вымирании вида, – и очередь за потомством обеспечена. Главное, говори убедительно – и поверят. И не важно, что это ложь. Ложь сама по себе приятна и желанна. Ложь готова принять абсолютное большинство людей. Поэтому поверят. Да что – поверят! Деньги соберут! На памятник.

Странно все это.

Да, «любовь» – это чувство еще нужно понять.

Августу не раз приходилось слышать от знакомых и не знакомых ему людей – я собак (животных) люблю больше, чем людей. Или – я всей душой ненавижу людей!

Стоп! А у тебя... Душа... есть?

Есть, конечно.

Но здесь парадокс заключается в следующем. Это говорит тот, кто ненавидит, и о тех, кого ненавидит. То есть, он должен (или это уже так?) ненавидеть себя. Ведь чем он лучше людей, к роду которых принадлежит? Если он, конечно, не животное. Но он-таки в теле человека. И размышляет, как типичный человек.

Опять же парадокс – этот ненавистник подразумевает всех людей. А как же те, кто подарили ему жизнь? А как же...

– Нет, Август, что ты! К тебе это не относится! Ты не таковой.

– Как это не относится? Ведь я принадлежу к тем, кого ты ненавидишь. Ведь я – человек!

Человек.

Что в этом Мире не так? Или это с определенными лица-

ми что-то не так? Может, они больны? Или все-таки я?

А как правильно сказать: болен или нездоров? Болен психически, а нездоров физически. Ну так можно сказать и «нездоров психически»... Тьфу ты! Смысл остается тот же. Правда, если сказать нездоров – звучит более ободряюще, нежели больной... на всю голову.

Скорее всего, это с теми, кто ненавидит, что-то не так. Так может, это и есть собачники?

Разве так можно? Да, среди людей много тех, кого хочется ненавидеть, но зачем обобщать? Ведь не каждый может мгновенно среагировать на глупость высказывания. И что потом? А потом автоматически срабатывает самозащита, включается отчуждение и через короткое время – расставание. Встречи с этим человеком заканчиваются. Но кто знает, возможно, этому ненавистнику как раз и нужны были эти встречи? Возможно, благодаря именно этим встречам могло поменяться мнение, пока не пришла старость, а вместе с ней зачерствение. После чего мнение уже не изменить никогда. И самое худшее, теперь это мнение будет распространяться и дальше.

В юности у Августа была собака. И конечно же, его тоже называли «собачник», но он был категорически против этого. Вроде как и ничего обидного, просто определение, шуточное, но не нравилось. И объяснения этому не было. Просто не нравилось.

Кольман любил собак. Поэтому и не заводил.

Он не любил другое – глупость собачников и собак, которые (чаще дворняги), желая услужить тому, кто ее «пригрел», или еще по какой причине – ведь это собака – напали на людей, желая искушать.

А как понять человека, который при виде миролюбивого животного...

– Он не укусит, не бойтесь! – обычно так говорят.

...трясется от страха, и так с этим и живет? Каждодневным испытанием.

Как-то парень прогуливался поздно вечером с девушкой по улице, по которой хаживал тысячи раз. На их пути появились две крупные собаки. При виде людей они завильали хвостами, надеясь на получение какой-то еды. Август даже не обратил на них внимания, а вот спутница отреагировала за них обоих. Сначала она вцепилась, обеими руками, в его руку. Оценив степень сжатия от тонких пальцев, молодой человек не стал задавать ненужный уже вопрос – ты боишься собак? Но принялся обдумывать дальнейшие действия.

Одно дело знать, что дети, напуганные собаками, до конца жизни будут их бояться, а другое дело столкнуться с таким «ребенком» лично. Который мгновенно теряет самоконтроль.

Чем ближе пара подходила, тем меньше виляли хвостами собаки. Послышалось рычание, сначала одной, той, что была старше. Вторая же, поглядывая на старшую, принялась лаять, но, в некотором смысле, игриво или трусливо.

Кольман быстро оглянулся, не видно ли других «друзей», особенно со спины. Хотя его спину теперь полностью закрывала девушка. Она хваталась за его бока, плечи, руки, шею. Причем именно со своей шеи ему пришлось дважды отрывать ее руки, иначе она задушила бы его. И уже на следующий день приятели смеялись над ним, предполагая бурную ночь, указывая на синяки и кровавые царапины как на шее, так и на лице. Правда, парень пытался рассказать, как было на самом деле, и в первую очередь поделиться пережитым опытом, как реагирует человек, испытавший однажды подобное. Тем более, что это может каждому пригодиться, чтобы контролировать ситуацию. Но в это никто не хотел ни верить, ни слушать. Фантазии о жгучей подружке гораздо приятнее. Не существующей, но так интереснее. И чем серьезнее становился рассказчик, желая донести важную, как ему казалось, информацию, тем чаще его перебивали и смеялись над ним...

Неужели они глухие? Ну и пусть так и будет.

Если бы это было возможным, девушка залезла бы ему на голову, невзирая на тонкие каблукки. Поэтому Август поймал одну ее руку и периодически сильно сжимал. Только так, через боль, он мог притормаживать развивающуюся неконтролируемую истерику.

Рычание старшей дворняги заметно изменилось. Она вся ощетибилась и готова была накинуться. Ее глаза... черт возьми, почему собаки иногда смотрят поверх головы чело-

века? Почему они реагируют на человеческий страх? Что они видят, угрозу?

Парень был готов. Одного меткого удара ногой оказалось достаточно. Поджав хвост и скуля, собака побежала прочь. Следом и меньшая.

Когда-то молодой человек не понимал – как можно бояться собак? Когда-то он тоже водил своего «немца» без намордника, так как знал, что его пес послушен, добр и никогда не укусит без надобности. Но в то же время он соблюдал обязательное правило – в черте города он водил своего любимца только на коротком поводке. Поэтому ему казалось странным, что какая-нибудь суховатая старушка выгуливает крупного, к примеру, алабая и без намордника, и на длинном поводке. Причем эта старушка смотрит на тебя такими глазами, словно ты уже виновен.

Что она сможет сделать в случае чего?

Или когда видишь, как пес «выгуливает» подростка в лосинах – пес бежит, а подросток несется за ним, почти взлетает. Подросток что-то кричит писклявым голосом пытаясь принять командный тон, но остановиться никак не может. И, конечно же, становится ясно – кто-то из них хозяин.

Но, опять-таки, времена меняются. В моду вошло много новых пород. Среди которых и бойцовские...

...интересно, а как собачники относятся к собачникам (некоторым так точно), которые заводят такие породы? Тоже ненавидят?

Сегодня Кольман понимал, почему у людей пожизненная борьба со страхом перед собакой. Тем более, что не раз замечал страх в глазах самих хозяев перед своими питомцами. И тогда он посмеивался над горе-хозяевами, но не сегодня.

– Почему ты не надеваешь ему намордника? – спросил Август соседа, когда тот входил со своим необузданным питомцем в лифт.

– Думаешь, он дает надеть его на себя? Ага, как бы не так.

– Он твой хозяин? – подначивал парень.

– Очень смешно, – ответил сосед.

Нет. На самом деле совершенно не смешно. Ведь это бойцовская порода. И если хозяин не может совладать с собакой, если она не слушается его, не исполняет команды, то это чревато как минимум для других собак. И, что еще хуже, – для людей.

Сосед был старше Кольмана на несколько лет, выше на полголовы и объемнее килограмм на тридцать. Он казался добродушным, хотя и был не особо разговорчивым человеком, и, собственно, негатив от него никогда не исходил. Поэтому казалось странным, что он завел именно такого «друга», даже если учесть то, что у каждого свои «тараканы». А с другой стороны, вся странность заключается в том, что далеко не каждый «любитель» собак, кошек, птиц, рыб и прочих зверьков, прежде чем приобрести живую игрушку, удосужился поинтересоваться, каков характер и как содержать ее. Какие условия нужно создать, что предпочитает

в еде и многое прочее. Вплоть до того, подходит ли климат для будущего питомца и даже квадратура твоего жилья, помещения, в котором он будет находиться. Ведь это живое, такое же Дитя Природы.

Чаще все происходит гораздо проще – увидел, захотел, победил. То есть – приобрел.

А среди детей так вообще пустяковое дело – увидел, закатил истерику, получил. И хорошо, если эта игрушка до конца своей жизни останется любимой и нужной, а не окажется на улице. Или в клетке приюта. Или еще где.

Сегодня слишком много людей заводят собак и много людей, готовых пред ними пресмыкаться. Порой эта «любовь» доходит до абсурда, но с этим ничего не поделать. Да, так есть.

– Нет, это не смешно, – сказал Август. – А еще будет очень плачевно, если он кого покусает.

– Он никого не покусает. Он добрый, – ответил, как-то неуверенно, мужчина.

– Собака не от доброты кусает.

– Так и люди не от доброты друг друга убивают.

– Так и не все жаждут убивать.

Сосед, если и хотел что еще сказать, не сказал. Дверь лифта открылась, и пес первым выскочил, вытягивая за собой крупного хозяина.

Больше эти два человека не возвращались к этому разговору. Но примерно неделю спустя случилось следующее. Хо-

зьяин питбуля появился с перевязанной рукой. Никто не знал, почему, и тем не менее многим было любопытно. Человек с виду не буйный, чаще предпочитавший костюм джинсам – и ходит с перевязанной, вроде как опухшей кистью.

А по прошествии следующей недели...

Это был обычный июньский, тихий, по одесским меркам, день. Время было где-то между девятью и десятью утра, суббота. В приоткрытое окно доносился легкий шум со двора вперемежку со свежим воздухом. Август лежал в кровати. Он нигде не спешил и никуда не опаздывал. Поэтому просто, как любил выражаться, валялся в кровати. И пора бы уже было давно встать, но не находилась причина – для чего? Как вдруг послышался этот душераздирающий крик.

Сначала визг собаки, который вскоре затих, а следом вопль женщины, который еще долго не утихал.

Молодой человек вскочил и подбежал к окну. Во дворе он увидел соседку. Одной рукой она держалась за перила, стоя на ступеньках, ведущих в парадную, а второй то закрывала себе рот, то протягивала ее вперед, словно указывая на что-то.

А там, возле кустов, знакомый питбуль подкинул несколько раз вверх болонку и, когда она уже не могла передвигаться, лишь дергалась в конвульсиях, улегшись на зеленую траву, принялся ее разрывать, словно плюшевого медведя. Игрушку. Причем без какой-либо ярости.

Вот так, в один день умерло два любимца, которых, соб-

ственно, не так и давно завели...

...для чего люди заводят собак?

От любви к животному миру страдают не только братья наши меньшие, но и собратья, и в первую очередь – дети. И как бы ни было парадоксально, но увидеть видео в социальных сетях с возгласами и слезами счастья на глазах от подарка в виде живой собачки можно гораздо чаще, чем когда собаку пытаются оторвать от ребенка или взрослого человека.

Может, стоит напомнить собачникам о законе? Водить своего питомца обязательно в наморднике и на коротком поводке. Или ужесточить закон? Тем более сегодня, когда полиция работает по-новому. Четко и слажено. Не церемонясь. А есть вина или нет, не это главное. Сегодня.

Закон.

Но снова парадокс. Чем больше закона, тем меньше свободы.

Что говорить? Времена меняются. Человек нынче не в моде. Люди упорно создают, себе на замену, роботов. Как альтернативу.

Глава 7

Красотка

Собачонка отскочила, но не побежала прятаться за хозяйку. Она остановилась и, виляя хвостиком, рассматривала незнакомого человека. Кольман присел и протянул руку. И собачка подбежала и скорее всего запрыгнула бы на эту руку, но вновь взвизгнула и отлетела, упав на ноги хозяйки, издав при этом звук боли. И та, в свою очередь, наклонилась и взяла ее на руки.

Набрав в грудную клетку воздуха, женщина сквозь зубы выдавила:

– Как вам не стыдно! Вы ее чуть не убили!

– Если бы я хотел убить, поверьте, я бы ее убил, – ответил парень, поднимаясь.

– Вы сделали ей больно!

– А по-моему, ей гораздо больнее было именно когда она ударилась о ваши ботинки.

– Да как вы смеете?

– Скажите, а почему вы не одернули ее, видя, что я иду? – спросил Август, сдерживая дыхание. – Вы надеялись, что она погибнет под моими ногами, или я споткнусь об нее и упаду?

– Лучше бы ты упал! – перешла на личности собачница,

становясь красной.

– Ты ненавидишь людей? – ответил ей тем же Кольман.

Слово за слово назревала «буря». И кто знает, во что бы все это вылилось, но, видно, ситуацию спасло именно то, что парень не церемонился и на грубость ответил грубостью. Собачница запыхтела. Ее губы шевелились, причем быстро, но слова при этом не произносились. Теперь ее лицо становилось не красным, а злобным. И эта злоба не позволяла ей сосредоточиться в выборе слов.

– Хам-ло, ты! Мурло, ты! – крикнула она, уходя.

– По себе других не судят! – ответил ей вслед парень.

Женщина повернулась последний раз, но более не сказала ни слова. То ли от того, что задыхалась от собственного гнева, то ли еще от чего. Ускорив шаг, она зашагала прочь. И лишь собачка еще долго смотрела на незнакомого человека, через плечо своей хозяйки.

«А возможно, вот к этому и сон, – задумался Август, виня себя в том, что не сдержался. – Ведь мог бы. Мог! Может, я действительно – „фашист“? Или становлюсь им? Много злого во мне появилось, но, с другой стороны...»

– Молодой человек! – послышался строгий женский голос. – Вы, как-никак, мужчина и могли бы и не столь грубо вести себя. Она все-таки женщина.

Мужчина обернулся.

– Пардон, но это вы сейчас о ком говорите? – спросил он женщину, сидевшую за крайним столом летнего кафе,

не скрывая раздражения в голосе.

– Как это о ком?

– Вы, верно, полагаете, что я не знаю, кто такая – Женщина? Смею заверить, вы заблуждаетесь. Если она не уважает меня как мужчину или как человека, разве я увижу в ней женщину? Нет! Это исключено. И не пытайтесь меня переубедить.

– А вы чудно говорите, – улыbnулась незнакомка и внимательно осмотрела парня. – Присядете? Кофе будете? Или еще что, может покрепче? Я вас угощу.

«Как же это по-женски, – подумал Кольман, – особенно когда она может себе это позволить».

И ведь она, действительно, могла. Это было ясно не только по властному голосу.

Она сидела закинув ногу на ногу, словно выставляя напоказ блеск черных ботфорт на высоком каблуке. Укутавшись в бежевую дубленку, капюшон которой прикрывал ей голову, она подложила руки под меховой ворот, тем самым его приподняв и спрятав в нем подбородок. А на переносице элегантно расположились солнцезащитные очки формы «кошачий глаз».

Выделенные брови, пухлые губы, которых уже хочется коснуться, и, конечно же (а как иначе у такой красотки) – родинка над уголком губ с правой стороны.

Да. Она очень сексуальна.

– Присяду, но спасибо, ничего не хочу.

– А давай сразу перейдем на ты, – предложила незнакомка и опустила капюшон, обнажив черные волосы, завязанные в конский хвост. – Так будет легче общаться. Если ты не против?

«Мы с тобой либо одного возраста, либо ты старше, – решил парень, – и судя по всему, тебе нравится главенствовать. Скорее всего, владелица какого-нибудь бутика. Ну что же, пусть будет так».

– Как тебя зовут? – поинтересовался он.

Она представилась как Инга.

Редкое и непривычное имя, и Август даже приблизительно не знал, что оно может означать. Не то чтобы он увлекался изучением имен, но все же понимал, что имя человека это и есть Сам Человек. И это в нем главное.

Имя Август тоже очень редко встречается, и произносить его для окружающих также непривычно. Как, впрочем, и для самого носителя его. И когда-то, в далеком прошлом, оно было даже не желанно. Но именно в том счастливом прошлом, благодаря любящим его родителям, он и познал – что такое имя? Его имя.

– Ой как интересно! – воскликнула женщина. – Встретились два редчайших имени. Это знак!

– Согласен, необычайно редко.

– Но все же, мне просто интересно тебя понять. Зачем ты ударил эту кроху?

– А вот это уже наглая ложь.

– Что значит ложь? – спросила резко Инга, не оставив на лице и подобия улыбки. – Она взвизгнула! Или это тоже ложь?

– Ложь состоит в том, с твоих слов, что я ударил ногой собачку. Я ведь шел вперед?

– Да, но причем...

– Значит, и нога моя, делая шаг, направлялась вперед. И если бы я нанес ей удар, то, естественным образом, собачка отлетела бы вперед. И скулила бы от боли куда громче. И последнее, уж точно спряталась за хозяйку, а не подбежала ко мне.

Казалось, девушка поняла, что так бы и случилось, и уже открыла рот для следующего вопроса, как молодой человек снова ее перебил.

– Я нарочно прошелся краем ботинка по ее шерсти, надеясь на этот визг, чтобы та дура, возомнившая себя любвеобильной хозяйкой, поняла! Во всяком случае я очень на это надеюсь. Что нужно убирать свои игрушки от опасностей и беречь, но никак не наоборот! Я не собираюсь кланяться ни перед собаками, ни перед их тупыми хозяевами! Любить животное и осыпать ему зад поцелуями, это совсем разные чувства!

– Вау! А ты красавчик! Познакомить бы тебя с моими подругами. Представляю, сколько бы крови пролилось, – сказала женщина, растянув улыбку. – Поехали ко мне?

Парень выдержал паузу и сказал:

– Инга! Я не знаю, кто ты, чем зарабатываешь на жизнь, не важно. Но хочу, на всякий случай, предупредить – если у тебя есть кто в подчинении, знай, это не я.

– Не совсем понимаю, о чем ты, но я учту, – улыбалась новая знакомая.

– Поехали, – поднялся Кольман и протянул ей руку.

Красотка воспользовалась предложенной помощью и поднялась со стула. Мужчина остановился, как бы интересуясь, в какую сторону идти и, когда Инга сделала шаг в нужном направлении, успел оценить вид сзади.

– Ну, что скажешь? – спросила она, когда Август поравнялся с ней.

– Шикарный вид, – ответил он и это была правда. Коричневые брючные лосины прекрасно облегали бедра и округлые ягодицы. – Надеюсь, нам недолго добираться к твоему гнездышку?

Девушка ничего не ответила, так как вырвавшийся смех не позволил ей выговорить и слова.

Инга проживала в районе 5-й станции Люстдорфской дороги. То есть недолго добираться, на радость и нетерпение изголодавшемуся мужчине. Особенно когда расстояние сокращает белый, трехдверный, резвый и комфортный «британец», под капотом которого находится сто пятьдесят лошадиных сил. И если бы этих сил было на сотню больше, то водитель с легкостью справилась бы и с ними.

Августу не раз доводилось находиться в машине, которой управляла женщина. Но редко ему приходилось восхищаться таким управленцем, как его новая знакомая, которая маневрирует с такой легкостью, будто в свободное время участвует в автогонках. Было заметно, что автомобиль – это ее страсть. И несмотря на это, к женщине за рулем он относился с недоверием. И на то были веские причины. Даже Инга, вызвавшая восторг, не стала исключением. Порой она нарушала правила и недвусмысленно посылала подальше всех недовольных, сигналивших ей вдогонку.

Двери лифта разъехались в разные стороны. Кольман пропустил женщину вперед, благодаря чему его взору снова предстал шикарный вид. И руки его мгновенно получили сигнал, не из сердца, а из мозга, и мышцы уже сжались для исполнения повеления коснуться желаемого, как следующий сигнал, также мгновенно, отменил все команды. Это был современный лифт, и значит, в нем обязательно есть камера наблюдения.

Девушка нажала кнопку этажа, развернулась и сняла очки. Она казалась выше ростом в несколько сантиметров. К слову сказать, быть «выше» во всех отношениях, этого у нее не отнять.

А дальше все должно произойти как в глупом кино. Плюс ко всему и камера снимает.

Молодой человек уперся локтем в шлифованную обшив-

ку кабинки чуть левее женского плеча. Их приоткрытые губы едва касались друг друга, но не сливались в страстном поцелуе. Были слышны лишь механический гул и едва уловимое учащенное дыхание...

...и стоит все повернуть по иному сценарию, как послышатся вздохи, одежда сбросится на пол, кабинка вмиг наполнится запахом возбужденной плоти. Он приподнимет ее крепкими руками и она сожмет в кольцо его талию стройными ногами, и уже не вздохи, а крики экстаза донесутся из шахты лифта, и те жильцы, что находятся снаружи в ожидании у дверей, в недоумении будут разглядывать эти самые двери, и бесполезно нажимать на кнопку. А охранник или вахтер, возможно, консьерж уткнется носом в монитор и...

...да черт с ним, с этим охранником или кто он там такой!

Поэтому Август и сдержался. Он не имел привычки выставлять интим напоказ. Иначе терялся не просто смысл. Терялась «магия» сего действия.

Яркие краски заката, после ясного дня, расплывались в серых тонах, темнея с каждой минутой.

Неминуемо близился вечер.

Молодой человек лежал на кровати, закинув руки за голову. Дыхание восстановилось, и теперь грудь едва приподнималась.

В комнату вошла Инга и улеглась рядом. Она была совершенно без единого фигового листка. От нее пахло душем.

– Ты идешь? – спросила красотка.

– Да, сейчас иду.

– Что-то ты слабоват для своих лет, – сказала Инга, поворачиваясь на бок. – Ты не болен? Все хорошо?

– Все хорошо, не переживай. Секса уже долго не было, разогреться надо.

– Что-то мне не верится, чтобы у тебя давно не было секса.

– Тебе не обязательно верить. Ты все равно меня не знаешь.

– Не обязательно тебя знать, чтобы понимать, что ты... мужик и потребность в сексе у тебя естественная.

Парень перевел взгляд на женскую грудь.

Она была желанна. Между вторым и третьим размером. Ни много ни мало. То, что нужно.

Несколько минут назад он восхищался этим размером, как и телом Инги в целом. Она прекрасна, можно сказать, идеал мужчины. Но, несмотря на перевозбуждение, подсознание четко подсказывало – такого быть не может. Да, идеала не существует на Земле. Во всем есть изъян.

И все же, как она прекрасна. Или, если быть точным, сексуальна.

И парень уже открыл рот, чтобы сказать, что потрахаться для него менее важно, чем сама женщина. И секс – далеко не приоритет в жизни. Поэтому он не бегаёт за каждой юбкой. А женщина для него это не влагилице, из которого сначала с трудом выходишь на свет, а после большую половину

жизни жаждешь «войти» для наслаждения...

...влагалище.

Если бы не зарубежные кинокомедии, в которых главным героям около или за пятьдесят, которые только и кричат на весь мир о ссохшейся матке или бесполезном пенисе. В связи с чем жизнь утратила для них смысл. Но теперь, на рассвете маразма, когда они вспомнили юность и занялись рукоблудием, теперь они счастливы как никогда в своей жизни. Бред какой. Но порой в подобных комедиях снимаются известные актеры. Имена, к которым ты относишься с большим уважением. Или относился. Так как после просмотра подобной картины... конечно, можно сделать скидку на – ничего личного, просто бизнес. Но это уже не то. Не то.

Поэтому, если бы не эти бредовые комедии, термин «влагалище» не осел бы в памяти.

Черт возьми, но ведь кто-то этот бред оплачивает?

Кольман открыл рот, но ничего не сказал. Вместо него из живота донеслось протяжное урчание, и девушка рассмеялась. Но вскоре урчание повторилось, и снова, и тогда уже усмехнулся гость.

– Я поняла, – сказала она, поднимаясь с кровати.

Инга накинула шелковый красный халатик, который едва прикрывал ее... ах! какие ягодицы! и развернулась в дверном проеме:

– Я жду. Не заставляй меня скучать, красавчик.

– Не успеешь, – ответил мужчина и опустил ноги на пол.

Выйдя из ванной комнаты, Август отыскал джинсы, одел их на влажное еще тело и, застегнув пуговицы ширинки, направился в кухню.

Он остановился в дверном проеме и прислонился плечом к косяку. Ему нравилось смотреть, как управлялась его новая знакомая с ножом и продуктами. Как покачивались в стороны ее груди, как низ халатика иногда приподнимался, выставляя напоказ куда шикарней вид, лицезреть который не представлялось возможным без волнения.

– Садись! Не стой, как истукан! – сказала Инга тоном, не допускающим возражения. – Иначе прожжешь мне еще одну дырку.

– Думаешь, если присяду, ты сможешь заставить меня закрыть глаза? – говорил гость, медленно подходя к женщине. – Думаешь, сидя не смогу «сверлить» взглядом эту вот красоту? – спросил он и оставил несколько поцелуев на ее щеке, скользнув тем временем пальцами рук по нижней части ягодиц. – Надеюсь, я не выгляжу в твоих глазах мальчишкой?

– Н-нет, ах... с чего... ты, а-ах... взял?

Голос красотки заметно изменился. Да что голос, она изменилась вся. Теперь Инга извивалась в объятьях мужчины закрыв глаза и продолжая держать в руках хлеб и нож.

Левая рука Августа поднялась к голове девушки, и теперь подушечки пальцев ласково поглаживали шею, скулы, щеки и губы. Другая рука так и осталась внизу, лишь перемести-

лась вперед. И так же подушечки пальцев поглаживали одновременно внутренние части бедер, нежно касались центра промежности и переходили в паховую область.

– Ав-густ, а-ах! Проказ-ник... а-ах! что ты делаешь? У меня же нож... ум-м... в руке.

– Почему он все еще в твоей руке?

– Не знаю, а-ах! – прошептала красotka и тут же, освободив руки, перевела их за спину.

Ей с легкостью удалось расстегнуть пуговицы ширинки и приспустить джинсы. И лишь после этого парень стянул с нее халат и прижался к ней всем своим, горячим телом.

Становилось жарко.

Пальцы руки, что находилась внизу, теперь все больше уделяли нежное внимание центру промежности.левой же руке достался и плоский животик, и два полушария выше, и снова шея, лицо...

Инга все чаще и все громче вскрикивала, при этом она произносила разные, порой странные, ласковые слова:

– Да, зайчик мой! Да, мальчик мой!

Было жарко. И казалось, этот жар исходил из отвердевшей плоти, прижатой к ягодицам красотки.

Вырвавшись из объятий, Инга развернулась лицом к мужчине, горячо поцеловала и опустилась пред ним на колени.

Было очень жарко. Хотя газ на плите не горел.

Ужин получился на славу. Да, он несколько затянулся,

но ведь никто никуда не спешил и не опаздывал. Кольман даже успел почувствовать дружественную, домашнюю обстановку. Несмотря на серьезный вид, он шутил, подшучивал над хозяйкой дома, иногда и сам смеялся. Казалось, это не в первый раз, постелив одеяло и накидав на него диванные подушки, вот так, прямо на полу, они ужинали в полумраке. Музыкальным фоном служили рок-баллады 90х. И, как заметил молодой человек, теперь женщина была более любезна.

Она лежала на боку, подперев голову левой рукой, в другой держала бокал белого вина. Одна нога была вытянута, другая согнута в колене. Ее лицо, на котором не угасала улыбка, покраснело, то ли от вина, то ли отражался цвет от шелкового халатика. И это не мешало ей оставаться сексуальной и желанной.

Теперь, когда она, в какой-то мере, «насытилась» и возбуждение было удовлетворено, она могла рассмотреть внимательнее своего гостя.

«Да, не атлет, да, не „качек“, но сложен достаточно хорошо. Видно, что следит за собой, – размышляла Инга, глядя на парня. – К тому же очень красив и, что немаловажно, не обделен интеллектом. А это, с одной стороны, большой плюс на сегодня».

Но главное, и это было для нее действительно главное, из головы не выходило то, что он сделал с ней около получаса назад.

– Может, все-таки, вина? – предложила женщина.

– Нет, – резко ответил гость.

– Ну почему – нет? – сдержала гнев красотка, не привыкшая к подобным отказам. – Я могу понять, если бы ты вообще не употреблял спиртного в жизни, но ты же пил? Тем более это сухое вино. Полезно для здоровья, между прочим.

Август опустил глаза.

Он понял – это никогда не прекратится. Люди снова и снова будут предлагать выпить, уговаривать, а перед этим каждый задаст вопрос – почему? Даже если он начнет лгать, говорить незнающим его людям, что не употреблял вообще ни грамма за всю свою жизнь и нет желания даже попробовать, они все равно будут задавать этот вопрос – почему? Ну как это, все пьют!

И ему снова и снова придется давать ответ, а люди снова не услышат, поэтому не поймут, снова начнут приводить доводы, доказывать полезность алкоголя... Господи, когда же это прекратится? Это же ад какой-то!...

Это все больше и больше приводило парня в бешенство. Причем мгновенно. Настроение тут же менялось, и появлялось ощущение, что с этим человеком более не о чем говорить.

– Скажи, а в чем причина? – спросил мужчина. – Почему ты хочешь, чтобы я выпил вина? Для чего?

– А для чего люди пьют?

– Для чего? – переспросил гость.

– Чтобы расслабиться, вот для чего!

Молодой человек выдержал паузу.

– Следи за цепочкой событий, – сказал он. – Мы повстречались, и ты предложила поехать к тебе, на что я, заметь, не напрягаясь, согласился. После мне пришлось напрячься, для того чтобы расслабиться вместе с тобой. Причем, заметь, напрячься пришлось дважды, и дважды расслабиться. Теперь я сижу, не напрягаясь, трапезничаю, повторяюсь – не напрягаясь, и ты предлагаешь мне выпить вина, чтобы расслабиться. Объясни, пожалуйста, в чем подвох?

– А ты, оказывается, ко всему прочему, еще и зануда, – сказала женщина улыбаясь.

– Если это все, что ты поняла, тогда продолжу.

Да, алкоголь ускоряет и усиливает возбуждение. Но не стоит забывать, что он еще и силы отнимает, и также ускоренно. Поэтому напрашивается вопрос – какой смысл в его употреблении?

Глава 8

Система

Ладно юноши и девушки, которые ради знакомства или интимной близости напиваются для храбрости. Которые, на примере взрослых людей, родных и близких, думают, что вступление во взрослую жизнь подразумевает собой обязательное упоение алкоголем до умопомрачения. До блевотины, до того как несколько школьников, по очереди, трахают пьяную одноклассницу, полагая, что становятся «мужчинами». До нежелательной беременности, ребенка, до аборта. До тюрьмы.

И так передается от поколения к поколению и называется это теперь – традиция! Точнее, термин остался прежний, последствия иные.

Вот собираются в клубе одноклассники отпраздновать выпускной. Красивые, нарядные, в вечерних платьях, костюмах, в новомодных прическах. И уже через пару часов можно узнать, кто с кем и куда пошел «учиться» трахаться, кто-то уже валяется в кустах, в собственной блевотине, с задраным платьем, выставив напоказ белые трусы, но с большим желтоватым пятном. Кто тащит на плече невменяемого «кореша». Кто прикупил отдельно шампанского, виски и про-

чие напитки, и теперь небольшой группой, так сказать, элита класса, догуливают в стороне. И, будучи под воздействием зеленого змия, искренне верят и возносят тосты за дружбу вечную, за любовь, за удачу и прочее... за все то, что совсем скоро канет в небытие. Ох! За здоровье, обязательно. Алкоголь, за здоровье.

Интересно, что эта традиция прижилась. И подобное поведение школьного возраста теперь норма. Черт возьми, а ведь кто-то же это спонсирует?

Система.

Поколения за поколениями, шаг за шагом, ступень за ступенью, правдой и ложью, кровью и потом, люди выстраивают – систему. А через время найдется красноречивый умник, соберет группу единомышленников и начнет рассказывать, как «жить дальше».

– Нужно ломать систему! – кричат люди.

Одни люди установили, другим она пришлась не по нраву. Ну что же, ломать не строить. Ломать, значит ломать.

Ломать – разрушительное действие.

– Нужно менять систему! – кричат люди.

Менять. Это слово употребляется чаще и звучит мягче. Менять не ломать. И, собственно, система останется. Просто будет установлена другими людьми. Не факт, что она будет по нраву снова-таки другим людям, но главное – она будет. Тем более есть те люди, которым она просто необходима.

Менять – преобразовывать. Это одно из значений. Но главное, ни одно из значений не несет за собой разрушения.

Система, какая бы она ни была, никогда не сможет удовлетворить потребности человека, но именно человек будет всегда ее придерживаться.

Это было весной. В один из самых цветущих и пахучих месяцев года.

Август находился в кафе, что на перекрестке улиц академиков Королева и Вильямса, заняв стол на площадке для курящих. Здесь у него намечалась встреча. Парень заказал кофе и, дабы скрасить ожидание, читал со смартфона книгу.

За соседним столом сидели четыре женщины. Три из них курили тонкие сигареты и пили красное вино, и лишь одна предпочла белое и перед ней не лежала пачка сигарет.

– Нет, мне не жалко, конечно, – говорила крашенная брюнетка, выпуская изо рта дым. – Для любимого сынули ничего не жалко. Но интересно; с каждого выпускника такая сумма, если сложить, так это довольно прилично выходит. За такие деньги они могут отметить выпускной на Эйфелевой башне.

– Да-а, запросы нынче чаще не соответствуют уровню, – произнесла блондинка, волосы которой казались мертвыми.

– А о каком уровне может идти речь? – спросила шатенка, обратив на себя не понимающие взгляды. – Вот скажи, что знает твоя дочь о спиртном? А твой сын? – обратилась она

к подруге слева, не получив ответа. – А твой?

Никто не ответил, поэтому женщина продолжила:

– Если они совершенно ничего не знают о напитках, так о каком уровне идет речь? Твой сын, и твой тоже, и твоя дочь максимум могут знать, что такое виски! А конкретно – что это заграничное пойло, а значит, дорогое в цене, а значит, лучше, чем отечественное. Что оно в тренде и что это круто. Но, по большому счету, они знают только слова, и точка. Поэтому ты права – запросы не соответствуют уровню. Мой муж, например, категорически против выпускного. А именно против приобщения своего сына к «бухалову», как он выразился.

– Ну, не забывай, – сказала брюнетка. – Он у тебя всегда отличался умом и сообразительностью. И тебе как никому это известно.

– Да, именно благодаря ему я уже много лет пью исключительно сухое вино и очень редко.

– Я тебя прошу, не начинай снова свою песню. Выпить, немножко, можно и даже нужно.

– А немножко – это сколько?

– Вот-вот! – поддержала блондинка. – Я так и не узнала и приблизительно такого количества.

– Так это значит, ты непустишь своего сына на выпускной?

– Что значит не пущу? Я ему не запрещала. Ему и отец не запрещал. Он поставил ультиматум. Он предложил ему

выбрать.

Да. Довольно редко можно разглядеть в школьнике ответственность. Еще реже можно увидеть школьника, который зарабатывает деньги. Поэтому вряд ли основная масса учеников знает цену деньгам. Особенно когда родители растят его в достатке. И юноше, о котором шла речь, было предложено выбрать – или деньги для выпускного, или поездка в Барселону, которую он давно мечтает посетить. Потому как болеет за «Барсу».

Выбрать, как оказалось, было нелегко. Будущий выпускник протестовал, но, честно говоря, недолго. Неделю походил надутый, и все. Его отец был по-настоящему жесткий. Убеждать его, что это неправильно, не имело смысла. Одним словом – мужчина.

– Но так нельзя! – воскликнула брюнетка. – Это называется шантаж!

– Я думаю, это называется настоящая отцовская забота.

– Но почему? – спросила блондинка. – Выпускной бал!

Память о юности!

– Да потому что, мы уже лет десять наблюдаем за невменяемыми и блюющими выпускниками, которые оставляют память о юности недалеко от нашего дома, и поверь, глядя на них, не хочется видеть в подобном состоянии своего любимого сына. И мне, лично, жалко для этого выделять ему деньги! И этому нет отговорки, мол, нужно попробовать, или – это же молодежь, с кем не бывает. Не бывает, если

до этого не довести! Поэтому я полностью поддерживаю мужа. Не так сейчас празднуют выпускные. Совершенно не так. И я не считаю это правильным.

– И все же это шантаж.

– Может, и шантаж. Главное, чтоб он научился делать правильный и полезный для себя выбор. Так как только это поможет ему в жизни. И не придется потом причитать – и в кого ты, такой непутевый, удался?

Две женщины продолжали убеждать шатенку в абсурдности ее побуждений. Ведь все так празднуют. Что значит поставить любимому сыну ультиматум?

Но все это время молчала четвертый участник стола. Она также являлась мамой будущего выпускника и единственная, у кого на лице находились солнцезащитные очки. А на пальцах рук не было обручального кольца.

Кольман взглянул на время и набрал номер.

– Ты про меня забыл?... ну конечно, мы же договорились, сорок минут как жду... что значит – нужно было позвонить? Руслан, мы же договорились?... ты за городом?... загораешь?... это абзац, друг! Причем полный!... что значит позвонить? Зачем перезванивать, если мы договорились?... значит, это ты должен был предупредить, и заранее!... да причем здесь «извини»?!...

Парень бросил трубку и закурил.

«Что происходит в этом мире? – который раз вопрошал

мужчина. – Почему, когда прогрессирует вверх и только вверх развитие технологий, создается впечатление, что развитие человека затормаживается. А порой кажется – деградирует. И если перекреститься, то осознаешь – не кажется! Зачем звонить и уточнять, если заключен договор? Зачем лишний раз беспокоить? Что это – деловитость? Или нужно звонить, потому что сегодня у каждого есть телефон в кармане и теперь только от него зависит сама жизнь? Еще раз, для чего?! Не исключено, что может случиться действительно непредвиденное, но тогда тот, с кем случилось, позвонит и предупредит».

Август был зол. Это далеко не первый случай, но теперь было принято четкое решение – это последний.

В душе остался неприятный осадок. Ведь это был его друг. Лучший друг еще со школьных времен. А это немалый срок дружбы. И за эту дружбу тоже было немало выпито.

Молодой человек не прислушивался к разговору женщин, но некоторые фразы были все же приняты сознанием, поэтому, в общих чертах, он понимал, о чем речь. И теперь, когда память коснулась его беззаботной юности, он невольно задумался.

Не так давно, всего лет десять назад, видя, как упиваются выпускники школ, и причем неважно – пацан это или девчонка, парень удивлялся, как меняется течение в обыкновенной «реке жизни!»

– Разве в твой или мой выпускной было не так? – спрашивали приятели, возраст которых разнился в несколько лет.

И тогда Август обращался за помощью в кладовую памяти, где и находил ответ... и ведь действительно, так тоже было.

...но больше всего поражало то, что это воспринимается совершенно спокойно.

– Ты будешь пить? – негромко спросил Руслан Кировцев и обернулся, словно боялся, что кто-то услышит.

– Не знаю, – неуверенно и так же негромко ответил друг.

С одной стороны, это был шаг к «взрослению и уважению» среди сверстников. Но, с другой – память выдавала знание, полученное наравне с общеобразовательными знаниями школьной программы. Знание, в котором говорилось – принимая добровольно «зеленого змия», вы добровольно принимаете яд. Происходит постепенное отравление всего организма. Не только физического тела, но и сознания. Говорилось о страшных последствиях, которые, собственно, уже можно видеть среди людей, невооруженным взглядом.

– Нет! Не буду! – твердо ответил выпускник Кольман.

– Почему? – спросил друг.

– Не хочу.

– Да ладно, никто не узнает. У меня жвачка припасена, на всякий случай. Не бойся.

Не бойся. Словно это пароль. Который зачастую срабатывает.

Школьники. Они учат друг друга курить, употреблять спиртное, прячась от родителей. Они хотят скорее стать взрослыми, чтобы им все разрешалось. Точнее, они сами могли бы себе разрешать.

Августин поднял руку и, удостоверившись, что на него обратили внимание, вынул из кармана брюк тонкий кошелек.

– Что-нибудь еще? – спросила подошедшая миловидная девушка.

– Нет, спасибо, я уже уйду, – поблагодарил молодой человек и рассчитался за кофе.

– Приходите. Буду рада видеть Вас снова, – улыбнулась на прощание официантка.

– Спасибо, обязательно приду.

Август поднялся и, прежде чем уйти, осмотрел женщин и задержал взгляд на шатенке. Ему очень хотелось вклиниться в беседу и поддержать ее, но осажденная с двух сторон женщина была невозмутима и тверда в своих убеждениях. И вряд ли ей требовалась помощь.

– Вы что-то хотели? – обернулась она, почувствовав взгляд серо-зеленных глаз.

– Вы все правильно делаете, – сказал мужчина, понимая, что отворачиваться уже не стоит. – Нет смысла жалеть алкаша и выделять ему деньги на водку. Всех благ Вам!

Ну а те, кто считают себя взрослыми, хотя бы потому, что

им уже по три-четыре и более десятка лет, – зачем им алкоголь? Как ни крути, а силы уже не те, что были в шестнадцать или двадцать лет. И в тридцать. Но на самом деле даже не это главное. Удовольствие от секса становится менее приятно.

– Нет, Инга, – сказал гость. – Лучше я потрачу время и силы на тебя, чем на бесполезный алкоголь.

– Хорошо, – ответила хозяйка дома, хитро улыбаясь. – Я буду только рада. И, на всякий случай – рада уже!

– Я догадываюсь, – усмехнулся парень. – Но нужно отдохнуть, пару часов.

– Договорились, «мой ласковый и нежный зверь».

Вот, казалось бы, прозвучал комплимент. По меркам человека – достойный. И придраться не к чему и незачем. Правда, есть одно маленькое «но», совсем маленькое, можно было и закрыть глаза на это, но – ассоциации не с человеком.

А после отдыха – снова несколько неоднозначные, но восторженные крики:

– Да, зайчик мой! Да, мальчик мой!

И, в конце концов, тихая, безмятежная ночь.

За окном было еще темно.

Кольман лежал на спине. Ему снилось... то ли он летал, то ли падал, но в итоге его хорошо передернуло, словно пронзило молнией. Он застонал прежде, чем понял, что левая нога искривилась от судороги. И только лишь проявилось сознание, не открывая глаз, парень схватился за боль-

шой палец и потянул на себя. Судорога начинала отпускать, и мужчина ослабил хватку. Буквально на секунду.

Да. У него давно уже не было секса, и теперь крепатура чувствовалась не только в ослабших руках, но и во всем теле. Сознание еще не осознавало, отчего в теле нет сил. Казалось, парень просто хотел спать. Казалось, много дней он не высыпался и теперь, когда появилась такая возможность, не хочет просыпаться. Но боль, которая выкручивала ногу, этого не позволяла.

Все так же, не открывая глаз, он вновь потянул большой палец ноги на себя. Судорога снова отпустила и снова на секунду. Снова протяжный стон и натянут палец. И теперь Август не отпускал его. Теперь он отчетливо осознавал, что нужно подержать палец в таком положении, пока судорога не уйдет совсем.

Молодой человек разъединил веки.

– Август! Что с тобой? – спросила, приподнявшись, Инга.

– Ногу свело. Но уже все в норме.

– Ох, и напугал ты меня, – сказала женщина и улеглась к нему спиной. – И часто это с тобой?

– Бывает.

– А скажи, пожалуйста, который час? – спросила красотка сонным голосом.

Гость протянул руку и нащупал на тумбочке свой телефон.

– Ровно семь, – сказал он и вернул телефон на место.

– Еще есть время поваляться.

– Слушай, я только сейчас вспомнил, что не видел у тебя телефона. Такое вообще возможно?

– Перед нашей встречей в ремонт отдала.

– Как, оказывается, все просто, – произнес Кольман и подвинулся ближе к Инге.

Он приподнял в верх, по телу, шелковую рубашку и прижался пахом к ее прекрасным округлостям...

... вот казалось бы – что здесь такого особенного? Это всего лишь часть тела, под названием – попа, ягодицы, задница. Так почему же она является самой желанной и магнетической точкой? Почему, прикасаясь к ней, перехватывает дыхание?

Сон пропал, а на смену ему явилось желание. Его рука скользила подушечками пальцев по наружной части бедра, периодически опускаясь на внутренние стороны уже обеих ног. При этом уделяя особое внимание центру промежности.

– Сегодня я буду занята целый день, – сказала брюнетка ослабшим голосом. – Ты можешь остаться у меня или увидимся вечером.

– Что мне делать здесь одному? Увидимся вечером.

– Август, не нужно, – поелозила бедрами хозяйка квартиры, выражая протест. – У меня впереди насыщенный день, а сил уже нет подняться.

– Не поднимайся, – ответил мужчина, в горле которого стоял сладкий ком.

– Тебе... ах!... легко говорить... а-ах! – сказала женщина, будучи не в силах сдерживать вырывающийся стон.

Кольман целовал ее шею и более не проронил ни слова.

Между телами стало жарко и влажно от пота. Мягким местом Инга чувствовала твердую и горячую мужскую плоть, и возбужденное желание одержало победу над разумом. Она повернулась на спину и раздвинула ноги.

Было очень жарко. Видно, в этом доме на отопление не жаловались. А может, от того, что за окном, в декабре, стояла плюсовая температура.

Глава 9

Иллюзия

Часы показывали начало десятого, но создавалось впечатление, что «утро проспало». Уже должно быть ясное небо, но по-прежнему преобладал серый тон.

«Может-таки похолодает? – предположил Август, вяло перебирая ногами. Через боль он чувствовал каждую мышцу в руках, ногах, животе и, собственно, всем теле. Но с лица не сходила улыбка. Перед глазами не исчезала его новая, чертовски сексуальная знакомая, благодаря которой это тело сковано крепатурой. И это было чертовски приятно. Он подходил к дому, а его воображение рисовало горячую ванну. – Нет, скорее всего дождь пойдет. Да и пусть идет, а я в ванну. Горячую ванну».

Молодой человек уже собирался войти в парадную, как повернул голову. То ли на зов, то ли инстинктивно.

Недалеко от дома, на скамейке, сидела одноклассница Горлова. Рядом с ней, наклонившись вперед и опустив голову, находился совсем еще юноша, лет двадцати. Было заметно его смущение, особенно когда Оля помахала, в знак приветствия, рукой. Юноша бросил короткий взгляд на того, кому предназначалось внимание, и снова опустил голову.

Кольман лишь поднял руку и вошел в парадную.

«Скорее всего, предлагает ему „трахнуть“ ее, взамен на водку, – думал парень, поднимаясь в лифте. – Трахнет. Конечно, трахнет. Если смущен, но не уходит – значит, так и будет. Интересно, а я бы – трахнул? Если бы был сейчас на его месте, – вдруг возник в голове провокационный, но честный вопрос. – Все может быть. В юности, когда „желание стоит аж наружу лезет“, но „всунуть некуда“. Так как нет ни опыта сексуального, ни практики соблазнителя. Тем более одноклассница выглядит еще более-менее, когда не пьет пару дней. А если и самому „накатить“ для храбрости, тогда можно и не одну бутылку поставить. Так что – все может быть».

Ванна.

В холодное время года предпочтение отдавалось только горячей ванне. Даже когда нужно было срочно уходить, первая мысль являлась – наполнить ванну. И уже после – все-таки душ.

Здорово-то как. Погрузиться с головой, оставив на поверхности лицо и колени, чтобы вода затекла в уши и было слышно только лишь собственное дыхание. Которое, к слову, стало значительно чище. Более не слышно тяжелого хрипа и свиста. И это не могло не радовать.

Все-таки это очень здорово. Полное расслабление. Но главное не уснуть, что случалось не раз. Тем более, со-

знание готово провалиться в сон в любую секунду. Поэтому Август сдвинулся и голова оказалась на поверхности, а колени погрузились в воду. Теперь можно и уснуть. А когда вода остынет, он переберется на кровать. А вечером встретится с Ингой на том же месте, где и познакомились. После чего они проведут несколько... дней... вместе...

Мужчина выскочил из подъезда и, спустившись со ступенек, столкнулся с бывшей одноклассницей, чему не удивился, но и не обрадовался. Порой ему казалось, что она выжидает именно его, так как слишком часто происходили эти встречи в последние месяцы. И это казалось странным тем, что как раз именно последние месяцы Кольман не был дружелюбным. Напротив – чаще резким и грубым, и избегал всяческого общения с «прошлым». А в настоящем такие понятия, как привязанность, дружба, забота и прочие качества Человека даже не рассматривались его... душой.

– Извини, я опаздываю. Меня ждут, – произнес одноклассник, не останавливаясь.

– Ты, как всегда, спешишь, – сказала Оля, лицо которой из радостного превращалось в гневное. – Всегда весь такой нарасхват! Всегда такой положительный, доброжелательный! Красавчик, одним словом. И конечно же, тебе не хочется общаться с такими, как я. А, правильно, зачем? Я же бомжиха! Я же алкоголичка! От меня воняет! Я уже не человек, да, красавчик?!

Это называется – прямолинейность. Говорить открыто, прямо в глаза.

Горлова и в юности была прямолинейна, и этого у нее не отнять и по сей день. И, фактически она была права.

– Тебе стыдно со мной общаться? Что, не нравлюсь тебе такой?!

– Нет, не нравишься, – ответил парень, кривя носом от доносившейся вони перегара и еще чего-то. – Но ты не права – я не против общения с тобой. С тобой прежней. Не алкоголичкой. И если вернешь себя настоящую, мы будем чаще общаться. Если, конечно, ты хочешь этого.

– Хочу, Август! Конечно, хочу, – изменилась в лице Ольга.

– Тогда верни себя.

– Но, как? – растерялась девушка.

– Ты знаешь, как, – сказал, отходя, одноклассник. – Тогда и поговорим. А сейчас мне действительно нужно уходить. Пока.

– До встречи, Август! Прости меня! Я буду ждать нашей встречи!

Кольман развернулся и зашагал, твердо и широко переставляя ноги, отметив при этом множество недоумевающих взглядов.

«Ну и что вы смотрите? – вопрошал молодой человек, усаживая на нос солнцезащитные очки. Ему хотелось кричать этот вопрос всем, кто сейчас подглядывал искоса, шушукал-

ся и делал вид, что не осуждает. – Что вы смотрите, черт возьми?!...

...Но с другой стороны – чем я лучше?»

Да ничем.

Честно говоря, в последнее время он всячески старался избегать встреч с этой «падшей» женщиной. Которой, в далеком прошлом, оказывал недвусмысленные знаки внимания. Но не потому, что в этом прошлом она не отвечала ему взаимностью. И даже не потому, что стала алкоголичкой. Все было гораздо проще. Все их беседы, которые исчислялись не в единичных случаях, становились примитивными и предсказуемыми. Одни и те же вопросы, на которые она даже не удосуживалась дослушать ответ, так, как будто спешила куда-то. Поэтому с каждым разом время бесед сокращалось, так как все, всегда, сводилось к одному – ей нужен был алкоголь. Только лишь алкоголь. И сигареты.

Бывало, поначалу, Оле везло и она получала холодное пиво жарким, душным вечером, или бутылку дешевой водки, после чего, ошарашенная, тут же исчезала. И кто знает, возможно, она спешила поделиться этим «счастьем» с собутыльником. А дальше, как известно – от добра добра не ищут. И на следующий день Ольгу можно было увидеть с двумя сияющими вокруг глаз огромными синяками.

Август очень скоро понял, что одноклассница только для того и окликает его, чтобы «развести» на бухло. Понял потому, что нечто похожее уже было в его жизни. Подруга

детства, Роксана, десять лет с которой практически каждый день они проводили вместе. С которой были не разлей вода. Вместе росли...

...росли. А ведь в этом слове умещается весь мир периода беззаботного детства. Каждого года, сезона, месяца и каждого дня.

...взрослели, познавали мир, в котором жили. Но следующие пять лет они стали видеться все реже и реже. Как выяснилось позже, Роксане было скучно взрослеть со сверстниками. Даже если это друзья детства. Поэтому она решила перешагнуть несколько ступеней, и теперь ее можно было увидеть в компании более взрослых людей. Которым многое уже что позволялось.

Да. Теперь девушка выглядела гораздо взрослее; ее длинные волосы стали несколько короче и всегда были распущены, черты лица выражала косметика, она все реже улыбалась и тем более смеялась. Она даже и смотрела как-то свысока и, у нее теперь не хватало времени, чтобы остановиться и пообщаться с теми, с кем росла многие радостные годы.

Но все же порой она могла «снизойти» и поведать бывшим друзьям детства о «взрослой» жизни.

Роксана рассказала о нескольких способах курения сигарет, какое опьянение происходит от пива, вина, водки. Как «отключается» разум, если смешивать напитки и какое, впоследствии, похмелье. Она делилась ощущениями того, как ее «делали женщиной»... хотя вряд ли таким способом из де-

вушки можно стать Женщиной. Это называется – лишение девственности. Чистоты и непорочности. Всего лишь. Правда, есть этому процессу и другое определение, ну то такое.

Подруга в прошлом говорила, что пенис напоминает малосольный огурец, а друг ее парня более интересен в сексуальной связи. И она с удовольствием встречалась бы с ним, но, по непонятным причинам, пока что боится поменять партнера. Поэтому в ее пятнадцать лет их у нее двое.

А дальше ее взрослая жизнь катилась как у...

...как у ВСЕХ... как же хочется вставить именно это слово, но это будет неправильно. Правильнее будет...

...как у многих, по накатанной наклонной; первая беременность и первый аборт. Первый укол «кайфа» и все следующие за ним. И пусть она убеждала, что это – так, баловство. Но было отчетливо видно, что ее взрослая жизнь не удалась. Точнее, сама Роксана не удалась во взрослой жизни. Она так и не стала взрослой, но стала – «старой».

Теперь ее можно чаще было увидеть во дворе, в котором она выросла. Правда, без косметики на лице и с неухоженными волосами. Да, она изменилась. Заметно изменилась. И даже могла окликнуть и сама подойти, вот только вместо приветствия она говорила – дай сигарету. И все. Хотя нет, она еще говорила – дай две.

В голове Августа не укладывалось такое поведение. Алкоголик ты или наркоман – это не повод не быть человеком! Он даже злился и читал нотации, мол, не чужие же люди!

Почему нельзя поздороваться? Но очень скоро понял – это бесполезно. Что алкаш, что нарик – это уже этап конченных. Жизнь прожита. Осталось бесполезное существование с одной лишь целью – доза.

Поэтому Кольман не ждал более, пока подбежит Роксана, поэтому избегал встреч с одноклассницей – если я в ваших глазах выгляжу сигаретой или бутылкой водки, значит, нужно помочь вам рассеять эту иллюзию!

Молодой мужчина рассчитался за кофе и присел за стол. Всю дорогу к морю его преследовал неприятный осадок. Будто он причастен к пустому финалу судеб не чужих ему двух опустившихся девушек. Но, кроме них, даже можно не оборачиваться, просто нужно открыть глаза – и станет ясно, сколько на самом деле загубленных жизней. Их очень и очень много.

Нет, не стоит винить себя. Ведь каждый человек проживает именно свою жизнь, и только ей он хозяин. И твоя рука помощи была бы совершенно не кстати. Тем более, что ее никто и не просил. И разрешения у тебя никто не спрашивал и не собирался спрашивать твоего совета, как нужно жить. И никто не предупреждал, что собирается опуститься до статуса – конченный человек.

Им нельзя помочь. Так как они сами этого не хотят. И подтверждением тому служит не прошлое, а именно настоящее время. Над твоим отказом от зеленого змия смеются именно

сейчас, казалось бы, взрослые люди, потому как им все еще не понять – почему? Их не удовлетворяет простой ответ, отражающий естественное положение дел. Они, как кроты, роют под тебя землю, пытаясь докопаться до «истины», о которой не имеют понятия.

Нет. Им невозможно помочь.

Собственно, и система против этого. Мощная, непоколебимая, непобедимая, вознесшая дешевое пойло в культ.

«Нужно отвлечься», – подумал парень и, вынув из кармана куртки смартфон, склонил над ним голову. – Посмотрим, насколько синоптики изменили прогноз».

Прогноз изменился, но для юга страны не существенно. Температура упала всего на несколько градусов, оставаясь по прежнему в пределах десяти. Правда, увеличилась сила ветра, и небо обозначалось чаще облачное, чем ясное. А вот для рыбалки подобные изменения – существенны. Нужно снова выждать, пока не устаканится.

Столице же «обещали» зиму. Температура значилась около нуля, и прогнозировались осадки в виде снега.

– Извините, пожалуйста. А правда, что в нем можно узнать все, что хочешь?

Август поднял голову. Перед ним стоял суховатый, среднего роста мужчина, на вид которому было лет под семьдесят. Но бодрый голос и блеск в глазах делали его гораздо моложе. Он был в черной кожаной кепке, в пальто, из-под

которого виднелся светло-серый костюм, и черных туфлях. Одной рукой он сжимал кожаные перчатки.

– Собственно, да, – ответил молодой человек, не снимая очки. – Главное, – правильно задать вопрос.

– Я далек от этого, – сказал незнакомец, указывая на устройство. – Вы извините меня, что отвлекаю Вас. Просто хочу спросить – знаете ли Вы, что означает название – Черное море?

– Нет, – удивился парень. – Если честно, не приходилось задумываться над этим.

– А он, может сказать? – мужчина снова указал на смартфон.

– Скорее всего да! Я могу посмотреть.

– Удивительно все-таки, как меняется мир. Но не нужно. Позвольте я отниму у Вас еще минуту, а Вы потом сверите, с ним.

– Хорошо, – улыбнулся Кольман.

– Наше море называется – Гостеприимное море. Правда, красиво?

– Согласен, красиво. И в первую очередь, для меня, необычно.

– Да, я тоже не так давно об этом узнал. Вот и делюсь этим открытием. Ну, еще раз простите и всего хорошего Вам.

– Спасибо, и Вам всего хорошего!

Улыбаясь, незнакомец в знак прощания слегка склонил голову и зашагал прочь.

Казалось, мужчина не против был задержаться и продолжить диалог, но Август сознательно не поддержал это намерение. И не потому, что у него назначено свидание. В прошлом приветливый и общительный, вежливый и заботливый, в настоящем он таковым не являлся. И он ненавидел себя за это, но ничего не мог с этим поделать. Совершенно не было желания заводить не то что новую дружбу, но даже новое знакомство.

Раньше ведь как было? Хочешь что-то узнать – обращаешься за помощью к родителям, друзьям, соседям, преподавателям – одним словом, к Человеку. Это называлось общение между людьми. Но сегодня, когда практически в каждом доме есть компьютер, можно часто услышать – так зайти в интернет, там на все вопросы найдешь ответ.

И Кольман стал очень часто это слышать, так как долго не мог привыкнуть, что действительно там, в сети, можно найти абсолютно любой ответ. Абсолютно любые знания.

Удивительно, как, оказывается, все просто. Не нужно покидать дом с мягким креслом. Не нужно беспокоить друзей. Вообще никого не нужно беспокоить! Тем более в нынешнее время, в век продвинутых технологий, когда суета и занятость стоят на первом месте, а сама Жизнь кажется иллюзией!

Очень популярное, в этой иллюзии, – встретиться в ресторане или кафе, делиться, или хвастаться, успехами, попивая веселящее зелье и, уже прощаясь, обязательно напомнить –

что нужно чаще вот так собираться.

Очень популярны встречи у молодежи; они обнимаются, целуются щеками, даже интересуются – как дела? Заказывают кофе, фотографируют его на телефон, выставляют фото в сети, подписывая – встреча с лучшей подружкой. И, сидя друг против друга, более не отрывают глаз от экрана устройства.

Август долго не оказывал должного внимания «цифровому миру», но в конце концов примирился с ним. Так как увидел истинную полезность его появления в этой реальности. И может, действительно, зачем теперь ему эти, живые люди? Друзья, товарищи. Может, в этом и заключается суть взрослой жизни в веке цифровых технологий?

– Ты где пропал? Почему не звонишь? – вопрошал Руслан.
...это были еще два вопроса, которые раздражали Августа.

– Что значит пропал? Цвету и процветаю! – отвечал Кольман, случайно встретив друга.

– Это хорошо, конечно, но не звонишь совсем. Ни слуху ни духу.

– А тебе кто мешает нажать на телефоне две кнопки?

– Ну, сам же знаешь – дела, дела. Занят настолько, что сил нет. Порой так хочется выключить телефон и никого не слышать, вот мечтаю об этом! Веришь? Супруге нет времени лишний раз позвонить!

Это была чистейшая правда. Он не часто совершал звонки

любимой жене. Только лишь когда это действительно было необходимо. Но восполняла этот вопиющий недостаток общения как раз-таки любимая жена. Она звонила много раз на день. Причем очень много. И не важно, было занят Руслан или нет; ведет ли машину или переговоры с заказчиками, продавцами, может, занят физически – она звонила. И не поддавалась ни на уговоры, ни на объяснения. Она звонила!

Когда Кировцев садился за руль, говорил, что скоро будет дома и спрашивал любимую, что купить в магазине – это был далеко не последний звонок от супруги, на который он ответил. Их было большое количество. А если в дороге случилась такая беда, как «пробка», что совершенно естественно для города миллионика, то... это кошмар какой-то. Почему-то вспоминался надоедливый осел из мультика. Но не один, а три-четыре вместе взятых. А после – ошеломляющее открытие: оказывается так происходит на самом деле! Нет! Не в мультипликационном фильме, а в жизни! Оказывается, так ведут себя обыкновенные, реальные люди!

– Да, я тебя понимаю. Именно по этой причине и не звоню.

– Нет. Тебе этого не понять.

– А почему ты решил, что мне не понять? Ты за всех решаешь? Ты «завсехрешатель»?

– Да ну, причем здесь это?

– Именно при том! Я не люблю, когда из меня делают иди-

ота, а ты никак не хочешь это уяснить.

Этот разговор между друзьями уже происходил. Причем дважды. И в очередной раз Кировцев начинал его с того, что пытался обвинить друга в нежелании проявить внимание. Ведь лучшая защита – это нападение. Но тогда напрашивается вопрос: а для чего применять подобную тактику? Если ты – друг?

Молодой человек собирался сделать глоток кофе, как, опустив глаза, удивился:

– И когда это я успел весь тебя выпить?

– Не скучал? – раздался знакомый, женский голос.

– Как-то не пришлось, – ответил парень подняв голову. –

Кофе выпьешь?

Не отводя взгляд, женщина выдержала паузу, и сказала:

– Нет, не хочу. Хочу домой. Поехали.

– Значит, поехали, – ответил мужчина и поднялся.

Глава 10

Подруга Кристи

Наступил вечер.

Сутки. Да, уже заканчивались сутки, как Август и Инга не выходили из дому. И кто знает, суждено им было покинуть квартиру, спуститься на побережье и не спеша прогуляться в свете фонарей, вдыхая полной грудью морской воздух, или же продолжать изматывать друг друга сексуальными утехами, итогом которых является невероятное наслаждение, как раздался звонок домофона.

Без особого желания хозяйка уютного гнездышка освободилась из объятий желанного гостя. Она не старалась прикрыться даже одеялом... собственно, – зачем? Зачем прятать такую красоту? Тем более, когда нет лишних глаз. Ну хорошо, для пущей красоты и сексуальности накинуть халатик, а еще лучше мужскую рубашку.

...просто присела на кровать, спустив на пол ноги. Вяло потянулась и, прикрыв рот рукой, зевнула.

– Кто это может быть? – поинтересовался мужчина.

– Это моя подруга Кристина, – сказала красотка и, повернувшись, наклонилась над гостем.

Раздвинув пальцами волосы, она поцеловала сосок,

и еще раз. После водила по нему кончиком языка и, прикусив зубами, слегка потянула.

Казалось, о звонке позабыли. Крепкие, мужские руки тут же легли на спину Инге, она отпустила сосок и, придвинувшись, поцеловала парня в губы; еще раз и еще. Но отстранилась прежде, чем он успел снова заковать ее в объятия.

– Она принесла мне телефон, – сказала Инга и укуталась в шелковый персиковый халат. – Накинь что-нибудь и присоединяйся.

– Зачем тебе телефон? – улыбнулся Август, закинув руки за голову. – Как по мне, так без него было очень даже прекрасно.

– Не нуди.

Это все, что сказала красотка, к тому же несколько строгим голосом, и не оборачиваясь, покинула комнату. В домофоне вновь раздался звонок. Парень же остался в кровати.

«Все-таки у нее руководящая должность. Слишком уж резко она меняет настроение, – размышлял Кольман. – Интересно, насколько ее хватит? А на сколько хватит меня? Месяц? Не хотелось бы скоро расстаться. Она-таки чертовски сексуальна».

Не сложилось.

Да, не сложилось его характеру подчиниться женщине-начальнику, коих в его трудовой деятельности была не одна. Но в начале этой самой деятельности не было нужды противиться подчинению. Ему говорили, что нужно сделать, и он

делал. Так как говорили без какого-либо «нажима». Просто говорили. Но так было не всегда. Ведь мир меняется.

Да, мир меняется каждый день и каждый час, а вместе с ним и управленцы. Они посещают разные семинары по управлению персоналом, поэтому их услуги кажутся важными. Создается мнение, что они лучше понимают, как нужно управлять людьми. И на самом деле это так и есть, хотя ничего нового в этом управлении нет. Просто на этих самых семинарах уделяется немалое внимание психологии, на что обратить особое внимание. Надавить. А уже впоследствии можно применить слово – манипуляция.

И многие подчиненные приходят в восторг от подобных женщин-начальниц. К примеру, даже если взять Ренату Михайловну; молодая, стройная, высокая, строгая и в то же время красивая. Или же красивая и строгая?... строгая красота. Но в любом случае, одним словом не сказать.

Она была «мама и папа» в одном лице, в частности для женщин и молодых парней. Но для Августа это означало потерю работы и поиск нового места.

Поиск. Постоянный поиск в этом изменчивом мире.

И, возможно, стоило бы ему слегка изменить подход, ведь она, как-никак, в первую очередь женщина... хотя, черт возьми, это смотря с какой стороны посмотреть! Ведь именно в первую очередь она стремилась объяснить всем подчиненным, что она – начальник. И ей должны подчиняться.

Должны. И Кольман, как никто, это понимал, но ничего

не мог с собой поделаться.

Не мог. Что значит не мог? Другие же сотрудники могли?

Взять хотя бы водителя Андрея. Да, того самого. Ростом ниже среднего, толстоватый, лысоватый – одним словом, типичный водитель. Которого изначально наняли возить лично шефа. Но уже спустя месяц шефа стал возить другой человек. Так как отличительной чертой Андрея был незакрывающийся рот.

Как? Как, черт возьми, можно столько говорить? Он говорил всегда и везде, на любую тему. Он мог запросто вклиниться в разговор, и остановить его можно было лишь с определенным нажимом. И лишь на очень короткое время. Он говорил целый день! О чем можно говорить целый день? Каждый день! И изо дня в день!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.